

Книга о волшебстве
в реальной жизни,
возвращающая веру
в хэппи-энды.

BOSTON SUNDAY GLOBE

Трейси Киддер

ЗА ГОРАМИ — ГОРЫ

История врача,
который лечит весь мир

Трейси Киддер
За горами – горы. История
врача, который лечит весь мир
Серия «100%.doc»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10445134

*За горами – горы. История врача, который лечит весь мир / Трейси Киддер ; пер. с англ. Е. Владимировой, Н. Сониной. : АСТ, CORPUS; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-086590-1*

Аннотация

Американский журналист и писатель Трейси Киддер, лауреат Пулитцеровской премии, рассказывает невероятную историю Пола Фармера, врача, мечтающего вылечить всех больных на свете. Главная цель Фармера – оказание квалифицированной медицинской помощи беднейшим слоям населения в странах, где люди умирают от туберкулеза и других инфекционных болезней, легко поддающихся лечению при наличии необходимых лекарств и оборудования. Созданная Фармером НКО «Партнеры во имя здоровья» сегодня выполняет эту задачу на международном уровне. Основанный им медицинский центр «Занми Ласанте» в Гаити – осязаемое доказательство того, что добрая воля может творить чудеса и возрождать надежду даже там, где о ней и думать забыли. Читатель увидит Гаити, Перу, Кубу, Россию глазами Фармера, преобразующего умы и системы в соответствии со своим девизом: «Единственная национальность – человек».

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	25
Часть II	32
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	43
Глава 8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Трейси Киддер За горами – горы. История врача, который лечит весь мир

Генри и Тиму Киддерам

*За горами – горы.
Гаитянская пословица*

*...А праведное деяние – освобождение
От прошлого, да и от будущего.
Большинству из нас —
Это недостижимо;
Только тем мы и держимся,
Что не оставляем попыток¹.*

Т. С. Элиот. Бесплодная земля

Tracy Kidder
MOUNTAINS BEYOND MOUNTAINS

*Перевод с английского Екатерины Владимирской и Наталии Сониной
Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко
Фотографии на обложке Moupalí Das*

¹ Перевод С. Степанова.

Часть I Докте Поль

Глава 1

Через шесть лет после того как мы встретились, доктор Пол Эдвард Фармер напомнил мне, что мы с ним познакомились “потому, что, подумать только, кому-то отрезали голову”.

Это случилось за две недели до Рождества 1994 года в торговом городке Мирбале. Собственно, городок был участком мощеной дороги, идущей через Центральное плато Гаити. Недалеко от центра находилась застава гаитянской армии: заросший сорняком плац, тюрьма и горчичного цвета казармы, окруженные бетонной стеной. Я сидел на втором этаже дома и беседовал с Джоном Кэрроллом, капитаном американских зеленых беретов. Наступал вечер, лучшее время в городке, когда воздух был уже не горячий, а теплый, громче и веселее звучала музыка, доносящаяся из кабачков и проходящих через город тап-тапов². И уже не так были заметны грязь и бедность, стоки нечистот, изношенная одежда, лица истощенных детей и протянутые руки стариков-нищих, надрывно твердящих “*grangou*”, что по-креольски значит “голоден”.

Из Гаити я должен был отправить репортаж об американских солдатах. Двадцать тысяч солдат было послано сюда, чтобы восстановить в правах правительство, выбранное демократически, и убрать военную хунту, захватившую власть и в течение трех лет правившую с необычайной жестокостью. Под командой капитана Кэрролла было всего восемь человек, и в настоящее время они отвечали за сохранение мира между 150 тысячами гаитян, живущих на территории в две с половиной тысячи квадратных километров в сельской области Гаити. Казалось бы, невыполнимое задание, и тем не менее здесь, на Центральном плато, насилие со стороны хунты практически прекратилось. За последний месяц было только одно убийство, правда, исключительно кровавое. Несколько недель назад люди капитана Кэрролла выловили из реки Артибонит обезглавленное тело помощника мэра Мирбале. Это был один из выбранных ранее, а потом восстановленных в должности представителей власти. Подозрение в убийстве пало на одного из местных функционеров хунты – сельского шерифа Нерву Жюста, наводившего ужас на жителей района. Капитан Кэрролл и его люди допросили Жюста, но ни вещественных доказательств, ни свидетелей не нашли. Поэтому его отпустили. Капитану, твердой веры баптисту из Алабамы, было двадцать девять лет. Мне он нравился. Я видел, что он и его люди честно старались улучшить жизнь на этом кусочке Гаити, но Вашингтон постановил, что эта миссия не занимается “строительством государства”, и поэтому не снабдил их практически никакими средствами для помощи гаитянам. Случилось так, что капитан Кэрролл посадил беременную гаитянку в тяжелом состоянии на самолет медицинской эвакуации армии США и за это получил замечание от старших по службе. В описываемый момент капитан Кэрролл сидел с нами на балконе казармы и кипел возмущением по этому поводу, когда ему сказали, что некий американец стоит у входа и хочет видеть его.

В действительности там стояли пятеро посетителей, и четверо из них были гаитянами. Американец пошел к нам, а его гаитянские друзья остались стоять в сгущающейся тени напротив казарм. Гость сказал капитану Кэрроллу, что его зовут Пол Фармер, что он врач и работает в больнице в нескольких милях к северу от Мирбале.

² *Tan-tan* – гаитянское маршрутное такси, обычно ярко раскрашенный автобус или пикап. (Здесь и далее – прим. перев.)

Помню, я тогда подумал, как непохожи эти двое, и сравнение вышло не в пользу Фармера. Капитан был высокий, под метр девяносто, загорелый, мускулистый. Привычный комок жевательного табака оттягивал его нижнюю губу. Время от времени он поворачивал голову и сплевывал. Фармер был примерно его ровесник, но выглядел гораздо более хрупким. У него были короткие темные волосы, высокая талия и длинные тонкие руки, а нос словно немного заострился на конце. Рядом с солдатом он выглядел тощим и бледным, но при всем этом показался мне весьма самоуверенным, чуть ли не нахалом.

Фармер спросил капитана, нет ли у его отряда проблем, требующих внимания врача. Капитан ответил, что есть несколько больных среди заключенных, а местная больница лечить их отказывается.

– В конце концов я купил лекарства сам.

Фармер сверкнул улыбкой:

– Вы не задержитесь в чистилище. – Затем он поинтересовался: – Кто отрезал голову помощнику мэра?

– Я точно не знаю, – сказал капитан.

– Как это может быть – жить в Гаити и не знать, кто кому отрезал голову? – удивился Фармер.

Последовало обсуждение, но прямо никто не высказывался. Фармер дал понять, что ему не нравится план американского правительства наладить экономику Гаити, по которому помощь будет оказана бизнесменам, но ничего, по его мнению, не будет сделано для облегчения жизни среднего гаитянина. Он также твердо верил, что переворот в Гаити помогли совершить Соединенные Штаты, и одним из доводов был тот факт, что некий высокопоставленный член хунты прошел подготовку в военной Школе Америк в США. По словам Фармера, Гаити состоит из двух частей: силы подавления с одной стороны и беднота Гаити с другой, последних – абсолютное большинство.

– И неясно, – сказал он капитану, – на чьей стороне американские солдаты.

В данном случае под неясностью, помимо прочего, подразумевалось освобождение ненавистного Нервы Жюста.

Я чувствовал, что Фармер знает Гаити гораздо лучше, чем капитан, и пытается поделиться с ним важной информацией. Похоже, Фармер хотел сказать, что местные жители начинают терять доверие к капитану и что это, конечно, серьезная проблема для отряда из девяти солдат, пытающегося держать под контролем 150 тысяч человек.

Однако предупредить было непросто. Капитану не очень понравилось, что Фармер плохо отзывался о Школе Америк. Относительно Нервы Жюста он высказался так:

– Слушайте, это бандит. Когда я схвачу его и у меня будут факты, я его прихлопну. – Он ударил кулаком в ладонь. – Но я не собираюсь опускаться до их уровня и арестовывать огульно.

Суть ответа Фармера сводилась к тому, что не имеет смысла применять положения конституции в стране, лишенной в данный момент функционирующей системы законов. Жюст угрожает людям, и его надо посадить.

Итак, они зашли в тупик. Капитан называл себе человеком от народа и настаивал на законном пути, Фармер явно считал себя борцом за права человека и предлагал превентивное заключение Жюста. В конце концов капитан сказал:

– Если б вы знали, в какой степени Вашингтон решает, что я могу и не могу здесь делать.

Фармер ответил:

– Я понимаю, что вы не вольны выбирать. Простите, если я слишком напирал.

Стемнело. Двое мужчин стояли в квадрате света, падающего из открытой двери казармы. Они пожали друг другу руки. Когда молодой доктор уходил в темноту, я услышал, как он говорит по-креольски со своими гаитянскими друзьями.

Я провел с солдатами несколько недель. О Фармере я особенно не думал. Несмотря на его извинение в конце разговора с Кэрроллом, я решил, что он плохо понимает трудности капитана и не сочувствует ему.

Потом я случайно увидел его снова, когда возвращался домой, в самолете на Майами. Он сидел в первом классе и объяснил мне, что, поскольку он часто летает по этому маршруту, стюардессы сажают его здесь на случай, если в полете понадобится врач. Мне разрешили посидеть с ним какое-то время. У меня были десятки вопросов о Гаити, в том числе об убийстве помощника мэра. Солдаты говорили мне, что у исповедующих вуду обезглавливание – это особое, жуткое устрашение. Поэтому я спросил Фармера:

– А что, отрезание головы жертве как-то связано с их гаитянской историей?

– Это связано с историей жестокости, – ответил Фармер. Он нахмурился, потом тронул мою руку, как бы говоря, что все мы иногда задаем глупые вопросы.

Я узнал о нем больше. Например, что к солдатам он относится хорошо:

– Я вырос в бедном поселке на колесах, и я знаю, кто идет служить в американскую армию.

О капитане Кэрролле он сказал:

– Когда познакомишься с этими молодыми военнослужащими поближе, начинаешь понимать, что не они отвечают за скверные порядки.

Этим Фармер подтвердил мое впечатление, что он пытался предупредить капитана. Многие из пациентов Фармера и его гаитянские друзья были недовольны, что Нерву Жюста отпустили, и говорили, что это доказывает: американцы здесь не для того, чтобы помочь народу. Фармер рассказал, что в тот вечер он как раз проезжал через Мирбале, и друзья-гаитяне поддразнивали его: мол, слабо остановиться и поговорить с американцами об убийстве? Поэтому, когда у грузовика спустила шина сразу за армейской территорией, он сказал друзьям: “Ага, мы должны прислушиваться к небесам”.

Я немного порасспросил Фармера про его жизнь. Ему было тридцать пять. Он окончил медицинскую школу в Гарварде и там же получил ученую степень по антропологии. Четыре месяца в году он работал в Бостоне, живя в это время в бедном районе в домике пастора при церкви. Все остальное время работал без зарплаты в Гаити, в основном занимаясь лечением крестьян, которые потеряли свою землю при строительстве плотины для гидроэлектростанции. Когда пришла хунта, Фармера выдворили из Гаити, но он сумел проникнуть обратно в свою больницу.

– Дал смехотворно маленькую взятку, – сказал он.

Я отыскал его после приземления. Мы поговорили еще в кафетерии, и я чуть не опоздал на следующий самолет. Через несколько недель в Бостоне я пригласил его поужинать в надежде, что он поможет мне понять, как писать про Гаити, и он явно был рад помочь. Фармер прояснил для меня историю страны, но вот его самого я понять не мог. Он называл себя врачом бедных, но мое представление о таких подвижниках как-то не вязалось с ним. Ему определенно нравились дорогие рестораны, плотные льняные салфетки, хорошее вино. Меня поразило в тот вечер, как доволен он был своей жизнью. Очевидно ведь, что молодой человек с его достижениями мог прекрасно работать в Бостоне и жить в уютном пригороде, а не в запущенном домике при церкви, большую часть года проводя на пустырях Центрального Гаити. По тому, как он говорил об этом, было ясно, что ему действительно нравится жить среди гаитянских крестьян. В какой-то момент, рассуждая о медицине, он сказал:

– Не представляю, как это может не увлекать.

Фармер улыбнулся мне, и все лицо его озарилось яркой, светящейся, счастливой улыбкой. Она производила сильнейшее впечатление – словно человек искренне рад тебя видеть просто так, без особых причин.

Но после похода в ресторан мы как-то потеряли связь. Сейчас мне кажется, так получилось в основном потому, что Фармер смущал меня. Работая над статьей о Гаити, я постепенно стал разделять пессимизм военных, с которыми я там жил и общался. “Думаю, народ Гаити сам должен решать, как жить, – сказал мне как-то раз один из людей капитана Кэрролла, – разве важно, кто у власти? Все равно у них будут богатые и бедные и никого посередине. Я не знаю, чего мы надеемся достичь. Все равно в результате мы получим адские толпы гаитян, мечтающих на лодках уплыть в Америку. Но, наверное, лучше даже не пытаться все это понять”. Солдаты прибыли в Гаити, прекратили террор и восстановили правительство. Потом они ушли, а страна осталась такой же бедной и разоренной, какой была до их прихода. Тогда я считал, что солдаты старались как могли. Это были простые и не слишком сентиментальные люди. Такие не станут переживать из-за того, что от них не зависит.

А Фармер как будто хотел, чтобы мы по-другому относились к Гаити и вообще к бедным. Но разделять такие взгляды трудно, потому что они предполагают крайнюю степень того, что мы называем “делать все возможное”.

В мире полно бедствующих стран. Чтобы жить спокойно, можно не думать о них или, если подумается, послать туда деньги.

В течение следующих пяти лет я несколько раз посылал небольшие суммы денег в благотворительный фонд, поддерживающий больницу Фармера в Гаити. Каждый раз он присылал в ответ письмо с благодарностью. Как-то от знакомого моего знакомого я услышал, что Фармер делает что-то примечательное в области международного здравоохранения, что-то связанное с туберкулезом. Я, правда, не поинтересовался подробностями и не видел Фармера почти до конца 1999 года, когда я попросил его о встрече и он назначил место.

Глава 2

Подходя к больнице Бригем-энд-Уименс в Бостоне, вы замечаете, что здесь не по-городскому тихо. Вы попали на медицинскую Уолл-стрит: кампус Гарвардской медицинской школы, медицинская библиотека Каунтвея, детская больница, медицинский центр Бет-Израэль-Диконесс, Онкологический институт Даны – Фарбера, сам Бригем. Эти здания в комплексе производят сильное впечатление, а если представить, что происходит внутри, так просто дух захватывает. Вскрытые грудные клетки, пересаженные органы, молекулярная визуализация, генетические зонды, руки в резиновых перчатках и машины, которые ежедневно работают с человеческим телом, ставят диагнозы и определяют курс лечения. С одной стороны – хрупкость человека, с другой – его дерзость. Невольно замираешь рядом с этими зданиями. Даже бостонские водители, известные своей бесшабашностью, меньше жмут на гудок, проезжая по этим местам.

Бригем занимает одну сторону Фрэнсис-стрит. Как новый город окружает римские развалины, так новый Бригем построен вокруг отреставрированного викторианского вестибюля старой больницы, реликвии бостонской медицины. Но это, скорее, памятник, а современный подъезд с высоким вестибюлем и мраморным полом – в четырехстах метрах от него. Яркий освещенный коридор подводит к площадке, по сторонам которой находятся лифты и двери, ведущие в клиники. Палаты больных расположены на верхних этажах, операционные – на нижних (их сорок, не считая гинекологических), десятки лабораторий – во всех отделениях, и... всюду драма жизни и смерти. Это медицинский универсам: здесь и медицинский институт, и многопрофильная больница, и узкоспециализированные клиники, и место, куда из других больниц посылаются наиболее сложные случаи. Толпы движутся вверх и вниз, направо и налево от площадки, кто в белых халатах, кто в повседневной одежде, кто с цветами, доносятся обрывки разговоров.

В отделении радиологии, на четвертом подземном этаже, доктор Фармер и его группа нашли себе спокойное место – пустую комнату без окон – и обсуждают последнего сегодняшнего больного. Фармеру недавно исполнилось сорок. Пожалуй, волос у него слегка поубавилось и он немного похудел, с тех пор как я видел его последний раз пять лет назад. На носу у него очки в тонкой оправе с маленькими круглыми стеклами. Одет он довольно строго: черный костюм и туго повязанный галстук. Как и раньше, большую часть времени Фармер проводит в Республике Гаити, но теперь он известный бостонским врач, консультант при совете профессоров Бригема, профессор по двум специальностям – медицине и медицинской антропологии – в Гарвардской медицинской школе. Когда я смотрел на него, сидящего с двумя учениками, молодыми врачами в белых халатах, мне представлялся дагеротип девятнадцатого века, изображающий сурового величественного профессора медицины в твердом высоком воротничке и жилете. Но это впечатление длилось недолго.

Фармер обсуждал с молодыми врачами больного, недавно лечившегося от паразитов в головном мозге. У больного развилась водянка, и нейрохирурги вставили шунт, чтобы отвести жидкость. После этого новых проявлений инфекции не было, но не нужно ли на всякий случай лечить его дальше?

– А вы как думаете? – спрашивал Фармер свою команду, и они снова и снова рассматривали проблему со всех сторон. Фармер в основном слушал, хотя было ясно, что последнее слово за ним.

Через несколько минут команда приняла решение: больного лечить повторно. Зазвонил телефон. Фармер поднял трубку и сказал:

– ВИЧ-центр. Слушаю вас.

Это звонила паразитолог, хорошая знакомая и коллега Фармера, чтобы поделиться своим мнением относительно больного с водянкой.

– А-а, главная по червям! – воскликнул Фармер. – Как поживаешь, душечка? О, я-то в порядке. Слушай, это звучит нахально, но мы не согласны. Мы хотим пролечить парня еще раз. ИЗ говорит: лечи! Привет, ИЗ.

Это “ИЗ” я уже слышал в его разговоре с учениками и догадался, что расшифровывается оно как “инфекционное заболевание”, специальность Фармера. Команда “Привет, ИЗ” обычно звучала как подпись в письме и означала, что он хочет начать лечение немедленно, не дожидаясь новых анализов. Было ясно, что ему чрезвычайно нравится и сам звук этих слов, и все остальное. По реакции его подопечных, которые откровенно улыбались и покачивали головами, я понял, что и его выражения, и шуточки, и его энтузиазм им хорошо знакомы.

Этот день в середине декабря 1999 года пока что был совершенно обычным днем, по крайней мере для больницы Бригем. Фармер и его группа разбирали шесть случаев, и каждый был весьма запутанным, кроме предпоследнего, казавшегося довольно простым. Ординатор, молодая женщина, сверяясь со своими записями, рассказала Фармеру историю болезни. Больной – мужчина тридцати пяти лет (назовем его Джо). ВИЧ-положительный. Выкуривает пачку сигарет в день. Обычно выпивает больше литра водки в день. Употребляет кокаин, внутривенно и вдыхая порошок. Недавно пострадал от передозировки героина. У него хронический кашель, который пять дней назад усилился и появилась желто-зеленая мокрота без крови. Кашель сопровождается болью в середине груди. За последние несколько месяцев он потерял двенадцать килограммов. Радиологи сообщили о возможном инфильтрате в правой нижней доле легкого, обнаруженном на рентгенограмме. По-видимому, это туберкулез, считают они.

Техника выявления туберкулеза довольно старая, и диагностика его может быть непростой, особенно у больного с ВИЧ. Конечно, у Джо мог развиваться туберкулез. Из уймы инфекций, обрушивающихся на ВИЧ-инфицированного, туберкулез является самой вероятной. В Бостоне, да и во всех Соединенных Штатах, туберкулез – редкая болезнь, за исключением мест обитания Джо, жившего в приютах для бездомных, тюрьмах, на улицах и под мостами. Однако, несмотря на ВИЧ-инфекцию, иммунная система Джо в основном не была поражена, отсутствовали классические симптомы туберкулеза: высокая температура, озноб и ночное потоотделение.

– У него ужасные зубы, – заметила ординатор и добавила: – А парень он хороший.

Фармер сказал:

– Надо посмотреть его рентгенограмму, как вы считаете?

Все прошли в другую комнату, положили рентгенограмму Джо на столик с подсветкой, и Фармер разглядывал – не дольше минуты – то место на снимке, где, по предположению радиологов, был инфильтрат. Затем он объявил: – И это все? Как-то не особенно впечатляет.

После этого все направились на верхний этаж проведать Джо.

Фармер двигался по Бригему, вышагивая длинными ногами, временами впереди группы, временами отставая, останавливаясь, чтобы дружески обняться со знакомой санитаркой или обменяться шуточками с уборщицей на гаитянском креольском. То и дело сигнализировал его пейджер. Отвечая на сообщение, Фармер каждый раз приветствовал женщину-оператора, коих в больнице не меньше дюжины, быстро спрашивал про давление, или про сердечную недостаточность мужа, или про диабет ее матери. Затем он остановился у сестринского поста, чтобы ответить на имейл о состоянии больного, потом – чтобы ответить на какой-то вопрос кардиологу. Наконец, с фонендоскопом на шее, напевая на своем условном немецком: “Мы – это мир. Мы – это *die Welt*”, – Фармер подвел группу молодых специалистов по инфекционным заболеваниям к двери палаты больного. И тут все замедлилось.

Джо лежал на покрывале, одетый в майку и джинсы, маленький человек с выступающими ключицами, жилистые руки все в шрамах. У него была неопрятная борода и растрепанные волосы, и когда он нервно улыбнулся входящим врачам, я увидел, что хотя почти все его зубы еще целы, вряд ли это надолго. Фармер назвал и представил других членов команды. Затем он сел на уголок матраса в изголовье кровати и непринужденно склонился к Джо под таким странным углом, что в получившейся позе напомнил мне кузнечика. Так и завис над пациентом, глядя на него сверху своими бледными голубыми глазами сквозь маленькие круглые очки. На секунду мне даже показалось, что Фармер собирается улечься с ним в постель. Вместо этого он положил руку на плечо Джо и погладил его.

– Рентген у тебя хороший. Возможно, это просто воспаление легких. Небольшое воспаление. Можно спросить, что у тебя с желудком? Нет ли гастрита?

– Я ем все подряд. Все, что мне накладывают, съедаю.

Фармер улыбнулся:

– Тебе бы немного прибавить веса, дружок. Ты похудел.

– Я не так-то много ел до того, как попал сюда. Да вообще особо не ел. Маялся дурью, то да се.

– Расскажи нам о себе. Мы занимаемся инфекциями и считаем, что у тебя нет туберкулеза. Но, чтобы окончательно решить, мне надо знать, есть ли у тебя знакомые с ТБ?

Джо ответил, что вроде нет, и Фармер сказал:

– Думаю, пора нам рекомендовать, чтобы тебя перевели из изолятора. Ведь мы – ИЗ, так? ИЗ шлет привет. По-моему, тебе не нужна палата с отрицательным давлением и всем таким прочим.

– Не-а. Знаете, я как тот парень, один в лодке. Люди входят в масках и все время моют руки.

– Да, – согласился Фармер, добавив, что все же мыть руки – хорошая привычка.

Это был первый день, когда я видел Фармера за работой, и мне казалось, что его участие в лечении Джо закончено. Его пригласили как специалиста высшего уровня помочь решить проблему. Данный случай оказался простым, по крайней мере для специалиста. Специалист отвечает на вопрос, беседует с больным и уходит. Но Фармер продолжал сидеть на кровати Джо – похоже, ему это нравилось.

Они говорили и говорили. Ранее ординатор задавала Джо в основном такие же вопросы, судя по ее докладу. Но сейчас Джо отвечал гораздо охотнее. Они говорили с Фармером о лечащем враче Джо, который ему нравился, о том, что Джо принимал антиретровирусные препараты, но, как он сам признался, лишь от случая к случаю. Фармер объяснил, что так может развиться устойчивость к некоторым лекарствам и что Джо не должен принимать новые препараты: если он не готов это делать регулярно, это рискованно. Обсуждались также наркотики и алкоголь, Фармер предупредил Джо об опасности героина.

– Но, по правде говоря, самое плохое – это алкоголь и кокаин. Внизу, обсуждая твой случай, мы шутили: не надо ли посоветовать Джо курить больше марихуаны? Это все же не так вредно.

– Если я буду курить марихуану, это приведет к международному конфликту.

– Но не в больнице, Джо.

И они рассмеялись, глядя друг на друга.

Они говорили про ВИЧ-инфекцию Джо.

– Знаешь, иммунная система у тебя очень даже ничего. Совсем неплохо работает. Поэтому меня, знаешь, как-то и беспокоит, что ты худеешь. Ведь я уверен, что худеешь ты не из-за ВИЧ. Ты худеешь, потому что не ешь. Так?

– Ага, точно.

– Ага, – мягко сказал Фармер.

Он вглядывался в лицо больного, казалось, очень внимательно, как будто, кроме Джо, никого не было в мире, и вместе с тем чувствовалось, что он сосредоточен на чем-то вне этой палаты. Я подумал, что Фармер мысленно наблюдает за Джо как бы откуда-то сверху, пока Джо описывает свой, как выражаются социологи, ежедневный труд по самообслуживанию. В данном случае это означало добывание наркотиков где-то за углом и затем устройство на ночлег под любимым мостом или в туннеле.

Между тем в палату вошла девушка. Это была студентка-медик, которую Фармер пригласил на обход. Фармер представил ее. Джо спрашивал всех врачей, что они окончили. Новоприбывшую он спросил со своим бостонским акцентом:

– Из Гаава-ада тоже?

– Я? – переспросила она. – Да.

– Ого, – сказал Джо. Он повернулся к Фармеру: – Люди из знаменитых заведений пришли на меня посмотреть, а?

– Она у нас не промах, – ответил Фармер. И разговор продолжился: – Так скажи нам теперь, как тебе помочь? Потому что мы знаем, как система здесь работает. Ты прибыл сюда, мы тебе нравимся, ты нравишься нам, ты с нами по-хорошему, и мы с тобой по-хорошему. Полагаю, с тобой тут обращаются как в семье.

– Мне как-то одиноко в этой палате! – пожаловался Джо.

– Это правда. И мы рекомендуем перевести тебя отсюда, – напомнил Фармер. – А вот у меня есть для тебя трудный вопрос. Трудный, но тебе он понравится.

– Хотите спросить, что вы можете для меня сделать.

– Ага!

– Вы не поверите, о чем я хочу попросить. Вы удивитесь, – сказал Джо.

– Я все-все уже слышал, мой друг.

– Мне бы в дом для ВИЧ-инфицированных. Чтоб я мог пойти туда...

Фармер снова пристально посмотрел на него:

– Та-ак.

– Поспать, поесть, телевизор посмотреть, футбол, баскетбол там. Какое-то место, куда я мог бы пойти и выпить полдюжины пива.

– Я понимаю.

– Я бы никаких правил там не нарушал, ну разве что выпивал бы иногда немного больше пива, чем полагается. Знаете, ну я бы делал, что мне сказано, приходил бы домой вовремя и не творил глупостей.

– Конечно.

– И не сводил бы людей с ума побегами оттуда и так далее, ну вы знаете. Может быть, где-нибудь мне бы перепала бутылочка вина к обеду или еще что-то.

– Да, – сказал Фармер, – я тебя понял. – Он поджал губы. – И вот что я тебе скажу. Я кое-что поразведаю, а ты, наверное, пробудешь здесь еще пару дней. И ты знаешь, я не думаю, что твоя идея такая уж безумная. Разве лучше шляться по улицам и колотиться?

– Замерзая до смерти, – добавил Джо.

– Замерзая до смерти, – подтвердил Фармер. – Или все же лучше сидеть в помещении с полдюжиной пива или вином к обеду? Я-то знаю, что я бы выбрал. К тому же, когда тебе есть где жить, ты можешь принимать лекарства, если, конечно, хочешь лечиться.

– Да-а уж, – неуверенно протянул Джо.

Через несколько дней на доске объявлений рядом с входной дверью отделения социальной работы в Бригеме появился загадочный листок, где было от руки написано:

ДЖО

СНАРУЖИ

*холодно
их порошки
литр водки*

ВНУТРИ

*тепло
наши порошки
6 банок пива*

Под написанным кто-то нацарапал: “И как я догадался, что это повесил Пол Фармер?”.

Друзья Фармера устроили Джо в приют для бездомных. Конечно, социальные работники напомнили Фармеру, что алкоголь в приюте запрещен по понятной причине. Фармер тем не менее ходатайствовал за Джо, сдерживая свое обещание, но, я полагаю, не надеясь победить.

На Рождество Фармер дежурил в Бригеме. В этот день он нашел время посетить своих пациентов вне больницы. Всем им он принес подарки, и Джо получил шесть банок пива, для конспирации обернутых праздничной бумагой.

Видно было, что Джо рад и визиту, и подарку. Когда Фармер выходил из приюта, он слышал, как Джо сказал кому-то:

– Этот парень – чертов святой.

Фармер потом гадал, хотел ли Джо, чтоб эти слова были услышаны.

Не в первый раз слышал Фармер, что его называли святым. Я спросил его, как он на это реагирует, и он сказал, что чувствует себя вором из романа Готорна “Мраморный фавн”. Там вор крадет что-то в католической церкви, но, перед тем как убежать, окунает руки в святую воду.

– Для меня не важно, редко или часто люди говорят мне: “Ты святой”. Нравится мне это или нет, но это не так.

Я подумал, что он из приличия отнекивается. Но затем он добавил:

– Когда меня называют святым, я думаю, что должен работать еще больше. Потому что стать святым было бы здорово.

Я почувствовал смутную тревогу. Не то чтобы слова эти показались мне нескромными, но передо мной словно очутился вдруг кто-то незнакомый, не тот, с кем я болтал минуту назад, а другой человек, чьи амбиции я пока и представить себе не мог.

Фармер закончил работу в Бригеме и отправился в Гаити первого января 2000 года. Мы обменялись электронными письмами. Он послал мне экземпляр своей последней книги “Инфекции и неравенство” (*Infections and Inequalities*). Это был трактат, снабженный огромным количеством сносок, с разбором историй отдельных больных, призванных проиллюстрировать главные темы: связь между бедностью и болезнью, неправильное распределение медицинской помощи в мире и “нелогичные объяснения причин данных явлений”, предлагаемые учеными и бюрократами от здравоохранения. Временами казалось, что автор едва сдерживает гнев. Он описывал, как назначил антибиотики неимущей больной ТБ: “Когда она начала принимать препараты, результаты не заставили себя ждать – ну прямо как при поддающемся лечению инфекционном заболевании!” Пол Фармер, написавший эту книгу, не был похож на Пола Фармера, который работал в Бригеме. Этот Пол Фармер кричал с каждой страницы. Я поблагодарил его за книгу и добавил, что собираюсь прочитать и две предыдущие.

“Читаю ваши труды”, – написал я.

Он ответил по электронной почте: “Да нет, мои труды не в этом. Чтобы увидеть мои труды, прилетайте в Гаити”.

Глава 3

Фармер прислал за мной машину, полноприводный пикап, в аэропорт города Порт-о-Пренс, и меня повезли по двухполосной мощеной дороге куда-то на север. Но уже на другой стороне равнины Плэйн-дю-Кюль-де-Сак, у подножия гор, дорога превратилась в нечто вроде высохшего русла реки, и автомобиль начал застревать и буксовать, взбираясь на кручи. Загляни за край обрыва – и увидишь россыпи автомобильных остовов. В какой-то момент беседы прекратились, даже дружелюбные разговорчивые гаитяне на переднем сиденье притихли.

На картах Гаити эта дорога называется Национальным скоростным шоссе № 3 и выглядит главной магистралью, проходящей через страну. В действительности эта *gwo wout la*, единственная большая дорога, пересекающая Центральное плато, – узкий немощенный тракт, где-то усыпанный камнями, местами изъеденный эрозией до коренной породы, а на участках, где в дождливое время топкая грязь, запекшийся бороздами, словно созданными для того, чтобы издеваться над колесами, копытами и ногами. Тракт вился через пустынные горы и селения, состоящие из деревянных домишек, пересекал бродами несколько речушек. Грузовики самых разных размеров, до отказа заполненные людьми, переваливались из ямы в яму, поднимая тучи пыли, моторы стонали на низких передачах. Вдоль дороги тянулся бесконечный поток людей на истощенных осликах или пешком. Тут и там по обочинам стояли нищие, одной рукой потирая свои впалые животы, а другой держа перевернутые соломенные шляпы. Тут и там мальчишки, расчистив мотыжками небольшие участки дороги, показывали, какие они молодцы, и протягивали руки, надеясь на награду. Нищета бросалась в глаза: вот повозка для вола, но вола нет, ее тянет человек. Деревьев было мало, особенно за Мирбале. После городка Пелигр электрические столбы кончились. Весь путь, всего лишь около шестидесяти километров, занял три часа, а по ощущениям – намного больше. Уже было темно, когда на вершине очередной каменистой кручи в деревне Канжи фары нашего пикапа осветили высокую бетонную стену, потом ворота в стене и вывеску рядом: “Занми Ласанте”, что по-креольски значит “Партнеры во имя здоровья”. На вывеске была также картинка: четыре руки тянутся с четырех сторон света, и пальцы их соприкасаются. Грузовик завернул в ворота, и дорога стала гладкой – какое облегчение! Так я прочувствовал, что такое труды Фармера, еще до того, как увидел их.

При дневном свете среди пропеченного, коричневого, почти лишенного деревьев ландшафта “Занми Ласанте” выглядит потрясающе. Если смотреть со стороны гор, этот большой комплекс блочных зданий, наполовину закрытый тропической зеленью, напоминает крепость. Внутри комплекса мир полон растительности. Высокие деревья шумят вокруг внутренних двориков, вдоль дорожек и стен – хитроумных конструкций из камня и бетона, поднимающихся по лесистому склону. Под сенью деревьев и амбулаторная клиника, и женское отделение, и общий стационар, а также большая англиканская церковь, школа, кухня, ежедневно готовящая на две тысячи человек, и новенький корпус для больных туберкулезом у самой вершины. В медицинском комплексе есть две лаборатории. Имеется водопровод, и слышно жужжание генератора, вырабатывающего электричество. В помещениях – плиточные полы, чистые белые стены и потолки, картины гаитянских художников, приятные глазу, красочные, изображающие тот самый тропический рай, что описан в дневниках Христофора Колумба.

На следующее утро я впервые сопровождал Фармера при обходе (потом это стало традицией). Общий порядок всегда один и тот же. Его день начинается на рассвете, в нижнем двореке рядом с амбулаторией. Ночью, в лунном свете, можно видеть очертания доброй сотни людей, спящих на земле. Утром их вдвое больше: люди всех возрастов, женщины в

платьях и тюрбанах, старики в соломенных шляпах, многие в стоптанной до дыр обуви – все ждут появления врача или медсестры.

Как только Фармер в своем гаитянском наряде – черных джинсах и майке – входит в ворота, часть толпы бросается ему навстречу. Старик, которому нужны деньги на еду; женщина с письмом, которое необходимо переправить в США. Молодой человек, который показывался другому врачу, но хочет, чтобы его посмотрел Фармер, кричит ему:

– Мне столько всего надо обсудить с вами, Докте Поль!

В толпе Фармер ищет в первую очередь тех, кто нуждается в неотложной помощи. Медсестра уже нашла такую – симпатичную молодую женщину с завернутой в полотенце рукой. Медсестра зовет Фармера. Он подходит, отлепляет полотенце и смотрит на руку.

– Это гангрена, – говорит он мне. – Понюхайте.

Он дает медсестре указания, как промывать рану, и мрачно смотрит, как та уводит женщину.

– Она поранила руку две недели назад. Интересно, понимает ли она, что ей грозит. Как будто им не хватает других проблем. Даже мелкие травмы тут никто не лечит.

Обход двора обычно занимает час. Фармер уже почти закончил, когда к нему подходит невысокий пожилой мужчина, снимает соломенную шляпу и говорит по-креольски:

– Я ищу человека по имени Докте Поль.

Фармер улыбается:

– А вы знаете Докте Поля, отец?

– Нет, – говорит старик, – но мне надо найти его.

Одна из сотрудниц берет старика за руку:

– Пойдемте поищем Докте Поля.

И пока она уводит его к другому врачу, Фармер наконец покидает двор. Худошагая фигура шагает по тенистой тропе по направлению к кухне и маленькой комнате над ней, где каждое утро, до работы с больными, Фармер отправляет и получает электронную почту через спутниковый телефон.

Должен сказать, что в тот момент, когда я увидел “Занми Ласанте” в этой маленькой деревне Канжи, которая казалась мне краем света, я почувствовал прикосновение чуда. Ведь Канжи расположена в беднейшем регионе беднейшей страны Западного полушария. Я знал, что в Гаити доход на душу населения около одного доллара США в день, а на Центральном плато и того меньше. Страна потеряла большую часть своих лесов и значительную часть почвы. Медицинская статистика – самая плохая в западном мире. И вот здесь, в самом нищем, больном и голодном районе Гаити, стояла эта чудесная окруженная стеной крепость – “Занми Ласанте”. Я бы вполне поверил, если бы мне сказали, что ее доставил сюда космический корабль.

В первую же неделю в Канжи я встретил крестьянина, привезшего больного ребенка на осле за двадцать километров по обочине Шоссе № 3. Я спросил его, рад ли он, что добрался до Канжи и медицинского комплекса. Незачем было и спрашивать. Он удивился моему вопросу и просто сказал: “*Wi!*” В районе имелись и другие клиники и больницы, но ни одна не была хорошо оснащена, а в некоторых были просто антисанитарные условия. И везде больные должны были платить за лекарства и даже за резиновые перчатки для осмотра. Среди жителей Центрального плато мало кто мог платить за что-либо вообще. В “Занми Ласанте” с пациентов брали небольшую плату, примерно восемьдесят американских центов. На этом настаивали гаитянские коллеги Фармера. Фармер не спорил, хотя и был медицинским директором. Вместо этого – как я понял позднее, таков был его стиль – он просто перевернул правило. Восемьдесят центов причиталось с каждого пациента, кроме женщин

и детей, кроме крайне бедных и тяжелобольных. Так что все должны были платить, кроме, в общем-то, всех. И принимали всех без исключения, это было правило Фармера.

Наверное, не меньше миллиона крестьян обращались в “Занми Ласанте”. На данный момент в ее сфере обслуживания жили около ста тысяч. В комплексе работали семьдесят человек медперсонала. Некоторые больные проходили огромные расстояния. Правда, как измерить расстояние в стране с разрушенными дорогами и деревнями, где проложены только пешеходные тропы? Люди шли из Порт-о-Пренса и с южного полуострова Гаити, из городков вдоль границы с Доминиканской Республикой, где говорят по-испански. Большинство же добиралось с Центрального плато на стареньких перегруженных грузовиках, курсировавших по Шоссе № 3. Многие приходили пешком или приезжали на ослах. Время от времени можно было увидеть, как кровать с больным на матрасе приплывала к воротам, поддерживаемая четырьмя носильщиками по углам.

И в “Занми Ласанте” иногда случалась путаница с рецептами, иногда не было лекарства в аптеке, иногда лаборанты теряли образцы. Семь врачей работали в комплексе, среди них были и не очень компетентные. Весь персонал составляли гаитяне, а медицинское образование в Гаити в лучшем случае посредственное. Но “Занми Ласанте” построила школы и дома, санитарные станции, наладила водоснабжение на территории своего округа. Детям делали прививки, улучшили питание. Смертность детей в возрасте до года снизилась. Были запущены разные программы: по обучению женщин грамоте и по профилактике СПИДа. В округе передача ВИЧ-вируса от матери к ребенку была снижена до 4 %, что вдвое ниже, чем в США. Несколько лет назад в Гаити случилась вспышка брюшного тифа, устойчивого к обычным лекарствам. “Занми Ласанте” заказала дорогие и эффективные антибиотики, провела обеззараживание воды, и вспышка была остановлена по всему Центральному плато. По-прежнему в целом в Гаити от туберкулеза умирает больше людей, чем от других болезней, но на территории обслуживания “Занми Ласанте” с 1988 года от него не умер никто.

Деньги для “Занми Ласанте” поступали через маленькую благотворительную организацию под названием “Партнеры во имя здоровья” (*Partners In Health*), основанную Фармером и управляемую из Бостона. Счета по американским меркам были невелики. Фармер и его команда общественных медработников лечили больных туберкулезом по месту жительства, в их домишках. Лечение одного больного без осложнений стоило от 150 до 200 долларов.

В США такое лечение проводится в стационаре и стоит от 15 до 20 тысяч долларов.

Больница, в которой я лечусь в Массачусетсе, обслуживает 175 тысяч больных в год, ее годовой бюджет составляет 60 миллионов долларов. В 1999 году “Занми Ласанте” потратила 1,5 миллиона на лечение примерно такого же количества больных в медицинском центре и на дому. Половина этой суммы была получена в виде пожертвованных лекарств. Собственно деньги иногда поступали из грантов, но больше из частных пожертвований. Самые большие вложения были сделаны Томом Уайтом, бизнесменом из Бостона, который жертвовал миллионы и миллионы в течение нескольких лет. Фармер тоже давал деньги, но не мог точно сказать сколько.

Постепенно я узнавал детали и факты жизненного пути Фармера, и они не казались мне очень уж необычными, пока я не составил общую картину. В 1993 году фонд Макаруров дал ему один из так называемых грантов для гениев, в данном случае в размере 220 тысяч долларов. Фармер отдал всю сумму “Партнерам во имя здоровья” для создания научного подразделения под названием Институт здоровья и социальной справедливости. В Гарварде и Бригеме он зарабатывал около 125 тысяч в год, но не видел ни зарплатных чеков, ни довольно скудных гонораров и авторских отчислений за лекции и книги. Бухгалтер в головном офисе ПВИЗ обналичивала его чеки, чтобы оплачивать его счета плюс ипотеку за дом его матери. Все, что оставалось, шло в фонд. Однажды в 1999 году Фармер попытался что-

то оплатить своей картой, но оказалось, что кредитный лимит уже исчерпан. Он позвонил бухгалтеру, и она сказала ему: “Радость моя, ты уникальный трудоголик-банкрот”.

Раньше, будучи холостяком, во время работы в Бостоне Фармер жил в подвале здания “Партнеров во имя здоровья”. Четыре года назад он женился на гаитянке Диди Бертран. Сначала он не видел нужды менять место проживания, но, когда в 1998 году у них родилась дочь, жена настояла на переезде. Их новым жильем стала квартира при Гарварде, в которой они, правда, появлялись нечасто. В момент описываемых мною событий Диди вместе с двухлетней дочкой находилась в Париже, где завершала собственное образование – она училась на антрополога. Друзья говорили Фармеру, что он должен проводить больше времени с семьей. “Но у меня же нет пациентов в Париже”, – отвечал он. Хотя по семье явно скучал. Когда я был у него в Гаити, он звонил своим из комнаты со спутниковым телефоном по меньшей мере раз в день. Теоретически он проводил четыре месяца в Бостоне и остальное время в Канжи, но фактически эти промежутки были разрезаны на куски постоянными разъездами по местам, где, в отличие от Парижа, пациенты у него имелись. Несколько лет назад авиакомпания *American Airlines* пригласила его в клуб “миллионеров” по счету налетанных миль. С тех пор он налетал уже два миллиона.

Единственное жилище, которое Фармер мог хотя бы с натяжкой назвать своим домом, – маленький домик в Канжи, прилепившийся к отвесной скале через дорогу от медицинского комплекса. Это был несколько измененный гаитянский *ti kay*, улучшенная копия крестьянской хижины с металлической крышей и цементным полом. Отличие заключалось в наличии ванной комнаты, хоть и без горячей воды. Заглядывая к Фармеру, я часто отмечал, что кровать выглядит так, будто к ней и не подходили. Он сказал мне, что ночью спит по четыре часа, но позже сознался: – Я не могу спать. Всегда кому-то нужна помощь. Я не могу к этому спокойно относиться.

Недосыпание, никаких инвестиций, семья далеко, даже горячей воды нет. Как-то вечером, через несколько дней после моего прибытия в Канжи, я спросил его, какое же вознаграждение он получает за свою работу в столь трудных условиях. Он ответил:

– Если вы чем-то жертвуете сознательно, а не следуя на автомате каким-то правилам, логично предположить, что вы таким образом пытаетесь смягчить некий психологический дискомфорт. Вот, например, вы решили стать врачом для людей, лишенных всякой медицинской помощи. Это можно рассматривать как самопожертвование, но можно и как способ расправиться с двойными стандартами. – Немного изменившимся голосом, не сердито, но все же довольно резко, он продолжал: – Для меня двойной стандарт – продавать свои услуги в мире, где не все могут за них платить. Ты чувствуешь его потому, что невозможно его не чувствовать. *Запятая.*

Вот так я впервые услышал, как Фармер употребляет слово “запятая” в конце предложения. После *запятой* подразумевалось еще одно слово – “сволочь”. Я понимал, что это не относилось ко мне, мне бы он так никогда не сказал, он почти всегда был очень вежлив. Эта *запятая* относилась к другим, к тем, кто был вполне доволен распределением благ и медицинских услуг в мире. Отсюда вытекало, конечно, что ты, его собеседник, не такой. Ведь правда?

По утрам я следовал за Фармером: сначала двор, потом электронная почта, потом его кабинет на первом этаже самого нового здания – Туберкулезного центра имени Томаса Д. Уайта. На стене висели дипломы Фармера, а также фотография его давнего друга – первого демократически избранного президента Гаити Жана-Бертрана Аристида. Президент позировал с мальчиком, которого Фармер вылечил от туберкулеза. Обстановку кабинета составляли стол для осмотра больных, негатоскоп, письменный стол и офисное кресло, которое сотру-

ники медцентра подарили Фармеру на Рождество. На кресле все еще болталось немного мишуры.

Фармер садится за свой стол и смотрит на меня:

– Какая перед нами задача?

Я пожимаю плечами.

Он говорит:

– Быть на месте. За дверью вечно маячат люди. Синдром маячка.

Человек тридцать – иногда я насчитывал и сорок – ждут в коридоре. Кто сидит на скамьях, кто бродит туда-сюда. Входит медсестра в белом халате и возмущенно говорит Фармеру:

– Сколько им ни твержу, чтоб сидели, не слушаются!

Фармер улыбается ей и на гаитянский манер хлопает ладонью по тыльной стороне другой руки.

– Это наш крест, – отвечает он.

Сестра с недовольным видом выходит. Фармер оборачивается ко мне:

– Нельзя слишком уж сочувствовать персоналу, иначе рискуешь забыть о сочувствии к пациентам.

А они и правда, прямо по Евангелию, нищие и увечные, хромые и слепые. Вот старик, который лечится от легочного туберкулеза и напоминает мне Рэя Чарльза. (Он слепой, но носит очки. Он сказал, что ему нужны очки, и Фармер нашел ему пару.) Вот человек помоложе, которого Фармер называет Лазарем. Несколько месяцев назад родственники принесли его на кровати. СПИД и туберкулез истощили его до веса в 35 килограммов, а сейчас он весит 70, от ТБ его вылечили, а развитие СПИДа приостановили, спасибо лекарствам. Вот здоровая с виду молодая женщина, отец которой всего месяц назад собирал деньги на ее похороны.

А вот, с другой стороны, хорошенькая девушка стонет от боли из-за приступа серповидно-клеточной анемии, случившегося во время курса лечения от устойчивого к лекарствам туберкулеза.

– Тише, деточка. Тише, миленькая, – приговаривает Фармер. Он заказывает морфий.

Пожилой мужчина с гастритом. В Гаити, по словам Фармера, пожилыми бывают и в тридцать лет, так как 25 процентов гаитян умирают до сорока.

– Это потому, что здесь голод, – говорит Фармер, осматривая пациента. – Мускулатура в порядке, но, возможно, на склоне лет ему уже трудно дратся за еду или же он кому-то ее отдает.

Он заказывает для мужчины питательные смеси.

Шестнадцатилетний мальчик не может ходить – настолько он слаб. Он весит всего 25 килограммов. Фармер находит у него язву.

– Его организм привык к голоду. А мы его подкормим. – Фармер достает банку питательной смеси *Ensure*. – Хорошая вещь. Будем давать ему по три банки в день и накормим его на двести долларов этим *Ensure*. Как же я буду счастлив проигнорировать принцип экономической эффективности.

Вот крошечная пожилая женщина, спина ее согнута под прямым углом. Задолго до того как Фармер увидел ее, туберкулез разрушил ее позвоночник. Это болезнь Потта, которая легко лечится, а без лечения “выжигает” ткани. Сейчас для женщины ничего уже нельзя сделать. Она пришла попросить денег, еды и внимания. Фармер встает, когда она входит, приветствует ее, называя *tami twen* – “матушка”. Он наклоняется к ней, почти опускаясь на колени, она целует его сначала в одну щеку, потом в другую и говорит:

– Сын всегда заботится о своей матери.

Фармер подвигает ей стул, но она не садится, а держится за него, положив подбородок на сиденье, и смотрит, как доктор принимает других больных.

Так же как и в Бригеме, он стремится к физическому контакту с больными. Сажает их на стул совсем рядом со своим – мне кажется, для того, чтобы беспрепятственно касаться их своими тонкими, бледными, длинными пальцами. Он называет старых женщин “матушка”, а старых мужчин – “отец”. Многие несут ему дары, например молоко в зеленой бутылке, заткнутой кукурузным початком.

– *Oh, cheri! Mesi anpil, anpil!* Спасибо, спасибо! – говорит Фармер. Он улыбается, глядя на бутылку на столе, и комментирует по-английски: – Некипяченое коровье молоко в грязной бутылке. Мечтаю попробовать! – Он поворачивается ко мне: – Это все так ужасно, что можно и посмеяться, хуже не будет.

Я вижу, как женщина на сносках, оттолкнув медсестру, вламывается в кабинет. У нее ВИЧ-инфекция, и она пришла пройти профилактику изониазидом, поскольку к тому же еще имеет контакт с туберкулезником. Ей нужны деньги на еду, муж у нее умер. Она повышает голос до крика, почти радостного:

– Вы тут все мои мужья!

Следующим входит молодой человек:

– Докте Поль? Я приходил сюда, когда был очень болен. Сейчас мне намного лучше. Поэтому я хотел бы сфотографироваться.

На стену рядом со своим письменным столом Фармер прилепил скотчем три листа желтой разлинованной бумаги. На каждое строчке написана задача, которую надо выполнить, и нарисован квадратик, по-креольски *bwat*. Я заметил, что когда он делает что-то не занесенное в список, то приписывает задачу, рисует *bwat* рядом и ставит галочку. Это доставляет ему необыкновенное удовольствие. Должен признаться, что и я это удовольствие разделяю, хотя и незаслуженно, когда он говорит: “Сделано немало”.

Настенный лист содержит около шестидесяти дел: организовать слайды для предстоящих докладов, достать Лазарю Библию и кусачки для ногтей, передать больному купленные для него в аэропорту Майами наручные часы, получить препараты мокроты от нескольких больных лекарственно-устойчивым ТБ и послать их в Бостон на анализ. Этот список демонстрирует то, что в Бостоне назвали бы интересной врачебной практикой. Она, определенно, очень разнообразная. Один из пунктов в списке: “консультация по колдовству”.

В одной из своих книг Фармер написал, что в сельской местности Гаити различают веру в колдовство и вуду. Вуду – это местная религия, включающая теорию и практику, но не каждый крестьянин исповедует вуду. А вот в колдовство, *taji*, верят почти все: и католики, и протестанты, и вудуисты. Жители Канжи убеждены, что колдовские чары, насланные врагами, – это истинная причина всяких болезней. Многие считают, что Фармер, подобно жрецам вуду, умеет бороться с колдовством.

Местный крестьянин сказал мне про Фармера: “Каждого из нас Бог наделяет даром, его дар – лечить”. Однажды на каком-то общем мероприятии бывший пациент Фармера поднялся и объявил: “Я верю, что он божество”. В Канжи также поговаривали, обычно шепотом, что “Докте Поль работает обеими руками”, подразумевая, что он использует и науку, и магию, чтобы снимать колдовские чары. Подобные восхваления и смущали, и забавляли Фармера. Он объяснял, что хотя это все довольно забавно, за этим кроется нелегкая история: – Гаитяне верят в колдовство потому, что их культура развивалась в отсутствие настоящей медицины. Конечно, они верят в колдовство, в то, что болезни насылаются на них кем-то. Иначе почему вдруг человек впадает в кому? Или, например, кто-то очень болен, и люди знают, что с такими симптомами больные умирают. А тут приходит врач, дает лекарство, и больной быстро выздоравливает. Люди задумываются, начинаются разговоры.

По мнению Фармера, гаитяне с готовностью принимают действенные лекарства. Среди его больных есть десятки жрецов вуду, некоторые из них даже выполняют функции общественных медработников, приводя к Фармеру больных из своей паствы.

По сути, колдовство – это гаитянское объяснение страданий, но обвинения в колдовстве тоже могут вызвать страдания. Вот старая женщина входит в кабинет Фармера. Это с ней будет консультация по колдовству. Недавно Фармер увидел во дворе ее сына в подавленном состоянии и спросил его, что не так. “Моя мать ненавидит меня”, – сказал он. И в самом деле, его мать считает, что он наслал болезнь, которая убила другого ее сына. Когда она усаживается рядом с Фармером, он не говорит, что колдовства не существует, но объясняет, что в данном случае колдовство ни при чем. Женщина упрямо поднимает подбородок и отворачивается, но постепенно смягчается. Однако еще месяцы и месяцы пройдут до окончательного примирения с оставшимся в живых сыном. Когда она уходит, Фармер говорит, что ему “на 86 процентов смешно”. А на 14 процентов, как я понимаю, очень грустно.

Эта женщина уверяла, что ее сын “продал” своего брата, используя креольское выражение, которое когда-то применялось к рабам. (Возможно, гаитянские суеверия отчасти родились из страхов рабовладельцев, мучимых совестью.

Как пишет антрополог Альфред Метро, очень многие гаитянские верования и колдовские обряды родом из Нормандии, Берри, Пикардии и древнего Лимузена.) Более того, обвинения в колдовстве могут происходить и от зависти, которая нередко среди бедных. У “виноватого” сына домик лучше, чем у матери. На самом деле она хотела сказать доктору, что сын не заботится о ней, поэтому он мог и наслать колдовство, чтобы убить брата. Такие предположения и обвинения возникают из-за экономического неравенства, и они довольно распространены, по словам Фармера. Они ссорят друзей и разрушают семьи.

– Когда это дошло до меня, я подумал: эх, граждане! Мало того, что вы, гаитяне, подвержены всем несчастьям, вы еще и обижаете друг друга нелепыми подозрениями.

Проведя несколько дней в Канжи с Фармером, я уже привык к его рассуждениям на эту тему. Фармер называл их “повествования о Гаити”. Но не могу сказать, что он этим злоупотреблял. Он мог и подолгу дружелюбно молчать, в целом даже предпочитал тишину. Во всяком случае, проповеди случались не чаще, чем обычные разговоры. Но я пытался проникнуть в его мир и поэтому иногда сам подталкивал его к “повествованиям о Гаити”, иногда даже откровенно провоцировал. Зато уж стоило ему завестись, как все вокруг нас становилось примером для нравоучительных выводов о страданиях гаитянской бедноты, каковые порой, в свою очередь, служили наглядным пособием для лекции о страданиях бедняков всего мира. Иногда он делал паузу, ожидая реакции собеседника, и спрашивал: “Вы меня понимаете?”

Проблема в том, что откликнуться на проповедь всей душой у меня обычно не получалось. Мне было очень жаль, что так много гаитянских детей умирает от кори (не в районе обслуживания “Занми Ласанте”), но я понимал: мое сочувствие никогда не будет достаточно глубоким, чтобы удовлетворить Фармера. И в итоге я потом какое-то время еще на него же и досадовал – так нас порой раздражают люди, которым мы оказали медвежью услугу.

Пробежали, сливаясь, дни и ночи. Фармер любил говорить своим гарвардским студентам, что хороший врач ни в коем случае не должен показывать больному, что у него тоже трудности или что он торопится: “За соблюдение таких вот простых правил вы будете вознаграждены с лихвой”. Конечно, это означало, что многие его пациенты проводили целые дни в ожидании приема, а также что он почти всегда кончал работу затемно.

Через жалюзи на окнах высоко на стене позади его письменного стола я вижу звезды, мерцающие в теплой ночи. Молодой человек с грустным лицом садится на стул рядом с Фармером и разглядывает свои ноги, обутые в потрепанные кроссовки с треснувшими подошвами. Его зовут Ти Офа. Он болен СПИДом. В Бригеме Фармер руководит обслуживанием

больных СПИДом и здесь лечит Ти Офа так же, как делал бы это в Бостоне, борясь с сопутствующими инфекциями, чтобы они не превратились в хронические. В “Занми Ласанте” нет технической возможности определить вирусную нагрузку и уровень лимфоцитов CD4. Но по своему богатому опыту Фармер знает, что болезнь у Ти Офа приближается к финалу, когда вирус размножается неудержимо.

Ти Офа говорит:

– Мне стыдно.

– Любой может подхватить эту болезнь. Я уже тебе говорил, – отвечает Фармер.

Он открывает ящик стола и достает большую пластиковую бутылку. В ней лекарство – индинавир, один из новых ингибиторов протеазы, используемых для лечения СПИДа.

В настоящее время никто не лечит неимущих гаитян новыми антиретровирусными препаратами. На самом деле в отсталых странах больных СПИДом бедняков практически не лечат вовсе. Даже друзья Фармера среди местных чиновников от здравоохранения говорили ему, что лечить СПИД такими методами в Канжи – безумие, и, конечно, многие специалисты международного здравоохранения с этим согласились бы. Если оставить в стороне прочие аргументы, новые лекарства от СПИДа обойдутся “Занми Ласанте” примерно в пять тысяч долларов в год на одного больного. Тем не менее Фармер начал лечить некоторых больных по схеме тройной терапии. Несколько месяцев назад он выступил в Массачусетсе с докладом под названием “Кембридж борется со СПИДом” и сказал там: “Кембридж борется со СПИДом, но не очень энергично”.

Он тогда беспокоился, не зашел ли слишком далеко, но в результате, по его же предложению, медицинские работники, слушавшие доклад, а также люди, больные СПИДом, собрали довольно много неиспользованных лекарств, так что Фармер смог взять на лечение еще несколько пациентов в Канжи. И намерен лечить еще больше. При поддержке коллег в Массачусетсе он разрабатывает заявки на гранты, чтобы обеспечить постоянный запас лекарств в нужном объеме. Они найдут деньги, сказал он мне. “Разумеется, мы найдем деньги”.

Он вынимает и показывает Ти Офа драгоценную бутылку с лекарством. Встряхивает ее, так что таблетки внутри побрякивают. Он говорит Ти Офа, что начинает курс лечения этим лекарством и еще двумя другими прямо сейчас. Хотя ВИЧ-вирус не будет уничтожен, объясняет Фармер, но симптомы болезни исчезнут, и если все пойдет хорошо, Ти Офа проживет много лет, как будто никогда и не был инфицирован. Только он должен пообещать ни в коем случае не пропускать ни одного приема лекарства.

Ти Офа говорит, что не пропустит. Он все еще разглядывает свои кроссовки. Фармер подвигается к нему ближе:

– Ты надежду-то не теряй.

Ти Офа поднимает глаза на него:

– Да вот с вами поговорил, и уже легче. Чувствую, сегодня точно смогу заснуть. – Ему хочется с кем-то поделиться, и, похоже, он знает, что здесь его охотно выслушают. – Положение у меня тяжелое. Я все время стучаюсь головой, потому что у нас очень тесно. У нас только одна кровать, я пускаю детей спать на ней и поэтому сам сплю под кроватью. И я об этом забываю, сажусь и ударяюсь головой. Докте Поль, я не забыл, что вы для меня сделали. Когда я заболел и никто не хотел даже дотронуться до меня, вы приходили, сидели на моей кровати, положив руку мне на голову. Вы приходили к больным вечером так поздно, что жителям деревни приходилось привязывать собак. – И Ти Офа объявляет: – Я хочу принести вам курицу или поросенка.

Обычно кожа у Фармера бледная, с едва заметной россыпью веснушек. Но тут он мгновенно багровеет от шеи до лба:

– Прекрати это! Ты уже приносил мне кучу всего.

Ти Офа улыбается:

– Этой ночью я буду спать прекрасно.

– Хорошо, дружище, – говорит Фармер.

Наступает время обхода: сначала с фонариком вниз по тропе к зданию больницы, в тускло освещенный стационар для взрослых, затем, с замиранием сердца, вверх, в Детский павильон. Кажется, там всегда найдется ребенок со вздутым животом, ручки-ножки как спички, волосы рыжеватые – все признаки квашиоркора, тяжелой дистрофии. Всего неделю назад, едва вернувшись в Канжи, Фармер не смог спасти ребенка, умиравшего от менингита, его страшной формы *Purpura fulminans*, когда происходит кровотечение из мелких сосудов в кожу и тело покрывается фиолетовой сыпью. Еще через несколько дней другой ребенок умер от столбняка, хотя и не в районе обслуживания “Занми Ласанте”.

Фармер задерживается около маленькой девочки в зыбке. Тоненькие ручки и тельце, вспухшее от плеврального выпота, – у нее внелегочный туберкулез. Она лежит на боку. Фармер гладит ее плечико, ласково приговаривая, почти что припевая по-английски:

– Мишеле трудно выздороветь, а мы ей хотим помочь, правда ведь? Мы ей обязательно поможем.

И опять он идет вверх горы, в туберкулезную лечебницу. Он оставляет ее напоследок, потому что, по его словам, там сейчас все выздоравливают. Больные собрались в одной палате, сидят на кроватях и смотрят футбол по телевизору, не обращая внимания на помехи на экране.

– Видали таких буржуев! Телевизор они смотрят! – радуется Фармер.

Больные смеются. Молодой человек парирует:

– Нет, Докте Поль, не буржуи. Если б мы были буржуями, у нас была бы антенна.

– Это поднимает мне настроение, – признается Фармер, когда мы выходим. – Не все так уж плохо. На семидесяти одном фронте мы проигрываем, но на одном или двух – побеждаем.

Мы идем вниз, выходим из ворот, переходим Шоссе № 3 и подходим к его дому.

Ночь на Центральном плато, в основном неэлектрифицированном, беспредельна. Орут петухи (они здесь все время орут), под теплым ветром листья шелестят на деревьях вокруг маленького патио, освещаемого от батареи. Чувствуешь себя, как на море в каюте яхты. Уютный уголок, здесь Фармер сейчас будет работать над своими докладами и заявками на гранты. Помогает ему специально для этого присланный из Бостона молодой пвизовец, выражаясь языком Фармера, то есть член организации “Партнеры во имя здоровья”.

Фармер держит на коленях огромную стопку медицинских исследований. Через какое-то время он откладывает их в сторону:

– Неохота мне, ребята.

И ведет меня осматривать его владения. Понятное дело, уважающий себя гость не посмеет отказаться.

– Вот это называется маниакальное садоводство, – говорит он и сообщает мне названия деревьев, цветов и кустарников, посаженных им здесь за все эти годы.

Я насчитываю около сорока разных видов. Под конец в слабом свете, падающем из патио, он рассматривает молодой папоротник, только что пробившийся из земли.

– Сильный, счастливый и здоровый. Такими должны становиться наши пациенты.

Слово “пациенты” звучит как гонг. Фармер возвращается корпеть над грудой клинических исследований. Через несколько минут Ти Жан, мастер на все руки, руководящий всякими ремонтными работами в “Занми Ласанте”, появляется из темноты и забирает Фармера обратно, на другую сторону Шоссе № 3.

В больнице на кровати у двери лежит и стонет девочка тринадцати лет, которую только что привезла ослиная “скорая помощь”. Два молодых местных врача, один пока еще интерн,

стоят у постели, глаза опущены, губы поджаты. Фармер по-гаитянски хлопает кулаком о ладонь, приговаривая:

– *Doktè-m-yo, doktè-m-yo, sa k'ap pase-n?* (“Доктора, доктора, что с вами творится?”)

Голос его звучит не сердито, скорее умоляюще, когда он внушает им: нельзя давать антибиотики больному менингитом, пока не сделаете пункцию спинного мозга и не узнаете, какого происхождения этот менингит и какое нужно лекарство.

Затем он делает пункцию сам, а молодые врачи держат девочку и наблюдают за его работой.

– Я очень хорошо делаю пункцию, – говорит он мне. По-видимому, так оно и есть, к тому же он левша, а левши, как мне кажется, за работой всегда выглядят более ловкими. Вены набухают на тонкой шее Фармера, когда он вводит иглу.

Девочка кричит:

– *Li fe-m mal, mwen grangou!*

Фармер поднимает глаза и на секунду снова “повествует о Гаити”:

– Она кричит: “Больно, есть хочу!” Немыслимо, правда? Только в Гаити ребенок может кричать, что он голоден, во время пункции спинного мозга.

Глава 4

Вскоре после того как я приехал навестить его в Канжи, Фармер сообщил, что будет здесь моим Вергилием. Похоже, когда речь заходила о Гаити, для Фармера каждый из нас становился студентом, которого надо учить и переучивать. Ни про какую другую страну не говорили столько глупостей, сказал он. С этим трудно спорить, учитывая, что, например, название гаитянской коренной религии – вуду – давно стало синонимом безумных идей и полного умопомрачения.

Фармер любил рассказывать историю о том, как он сам провел в Гаити исследование о связи медицины и веры в колдовство. В 1988 году одна женщина из района обслуживания “Занми Ласанте” умерла от туберкулеза, пока Фармер был в Бостоне с тяжелым переломом ноги. Когда он вернулся в Канжи, сотрудники медцентра сказали, что эта больная не умерла бы, если бы Фармер был на месте. Тем самым они хотели похвалить Фармера. А он себя упрекал. Он хотел, чтобы медицинская система работала и в его отсутствие. Каждому члену семьи умершей он нашел работу в “Занми Ласанте” и провел несколько собраний с персоналом, чтобы понять, какие ошибки были допущены в лечении.

Обсуждение было оживленным. Работающие в клинике непрофессиональные медработники “Занми Ласанте”, живущие среди крестьян и сами недавние крестьяне, подчеркивали, что чем беднее больные, тем хуже идет лечение, например из-за плохого питания. Один медработник сказал, используя гаитянское выражение, что давать голодающему больному лекарство от ТБ – это то же самое, что “мыть руки и вытирать их о землю”. Однако профессиональные медики – врачи, медсестры и лаборанты – давали другое объяснение. Они видели причину в психологии больных, как обычно и пишут в научных журналах. Как только больные чувствовали себя немного лучше, задолго до настоящего выздоровления, они переставали принимать лекарства. ТБ вызывается не микробами, а колдовством, наведенным врагами, считали они.

Фармер чувствовал, что не может объединить эти две идеи. Теория медработников сводилась к описанию социо-экономического устройства, которое он называл “насилием структуры”. Но как растущий антрополог он понимал, насколько важны народные верования, о которых говорили медики-профессионалы. Тогда он решил изучить проблему. В то время он еще был студентом в Гарварде. И вот он спланировал исследование как учебный курс, который сам же и проходил.

Он отобрал две группы больных туберкулезом. В ходе исследования обе группы получали бесплатное лечение, такое же, какое применялось в Бригеме. Одна из групп также получала дополнительные блага: их регулярно навещали общественные медработники, им давались небольшие суммы денег на еду, на уход за детьми и на транспорт до Канжи. Фармер ходил пешком по деревням, посещая всех своих больных в их хибарах. Это продолжалось неделями. “Сотня разговорчивых гаитян – это не шутка, – говорил он. – Не пытайтесь повторить эксперимент дома”. Фармер всех их спрашивал, помимо прочего, верят ли они, что ТБ вызывается колдовством. За очень небольшим исключением ответ в обеих группах был “да”. И все же результаты исследования показали, что эффективность лечения в двух группах радикально отличается. Там, где больные получали только бесплатные лекарства, вылечилось 48 процентов. В группе, получавшей дополнительный уход и деньги, вылечились все. По-видимому, никакой роли не играло, верили больные в бактериальное или в колдовское происхождение своего недуга.

Фармер был озадачен.

– Я уже почти поверил в то, что мысли людей влияют на их поведение и на результаты лечения, – сказал он мне.

И он не мог найти объяснения, пока не начал проводить дополнительный опрос тех же больных. Он позвал одну из своих любимых пациенток – милую пожилую женщину. Когда он беседовал с ней в первый раз около года назад, она даже слегка обиделась на него за вопросы о колдовстве. Она была из тех немногих, кто заявлял, что не верит в сверхъестественное. “Поло, милый, – сказала она. – Я не такая глупая. Я знаю, что туберкулезом заражаются от людей, которые кашляют микробами”. Она аккуратно принимала все лекарства. Она выздоровела.

Но теперь, годом позже, когда он снова задал этот вопрос, она ответила, что, конечно, верит в колдовство.

– Я знаю, кто наслал на меня болезнь, и я ей отплачу, – сказала ему женщина.

Фармер воскликнул:

– Если вы верите в колдовство, зачем же принимали лекарства?

Она взглянула на него. И он запомнил эту легкую сочувственную улыбку. Это была улыбка старшего, объясняющего что-то ребенку (и в самом деле, врачу было всего двадцать девять).

– *Cheri*, – сказала она, – *eske-w pa ka konprann bagay ki pa senp*?

Креольское выражение *pa senp* означает “непросто” и предполагает, что предмет содержит некую сложность, обычно волшебного свойства. Так что, в свободном переводе, она сказала Фармеру: “Милый, ты что, не способен понимать сложное?”

И тут, конечно, до него дошло, что он знает множество американцев (да он и сам такой), чьи убеждения на первый взгляд противоречивы: например, они верят одновременно и в медицину, и в силу молитвы. Фармер почувствовал, что словно бы завис в воздухе перед своей пациенткой, “поднятый за шиворот ее сочувствием и ее удивлением”.

Результаты исследования он принял для себя как наказ впредь беспокоиться о материальных нуждах больных, а не об их верованиях. С этого момента все больные ТБ в округе получали полный набор: так называемое “лечение под непосредственным контролем”, помощь общественного медработника, следящего за регулярным приемом лекарств, а также ежемесячное денежное пособие в размере пяти долларов – на дополнительное питание, уход за детьми и регулярные поездки к врачу в “Занми Ласанте”. Программа работала очень хорошо, лучше и быть не могло. За двенадцать лет ни один из больных не умер, и ни один пункт в этой программе Фармер менять не собирался.

Совсем недавно больной ТБ из деревни Морн-Мишель не явился на ежемесячный медицинский осмотр. Поэтому – таково было правило – кому-то следовало за ним поехать. В анналах международного здравоохранения описано очень много случаев, когда хорошо финансируемые программы проваливались из-за того, что недисциплинированные пациенты принимали не все полагающиеся лекарства. Фармер сказал: “Только нас, врачей, можно называть недисциплинированными. Если больной не выздоравливает, это наша вина. Ошибки надо исправлять”.

Любимая история про Докте Поля в деревне Кэ-Эпен о том, как несколько лет назад Фармер гнался за больным, который убежал в поле сахарного тростника, и умолял его выйти и дать полечить себя. Он и сейчас время от времени ездил за больными сам. Это чтобы вдохновить персонал и отдохнуть от приема, объяснял он. Итак, он собрался в Морн-Мишель и брал меня с собой.

“За горами – горы”. Эта поговорка очень подходит для описания Морн-Мишель, самой удаленной из всех деревень в районе обслуживания “Занми Ласанте”. В назначенный день за завтраком Фармер сообщил женщинам на кухне о своих намерениях.

– О-о-о-о-о-о! – закричали они.

Одна сказала:

– Морн-Мишель? Поло, ты что, хочешь угробить своего блана?

Под “бланом” она подразумевала, конечно, меня. Это не было грубостью. Женщины с кухни даже Фармера называли *ti blan mwen*, что значит “мой беленький”. Но блан – это не обязательно белокожий. Можно сказать, что каждый блан автоматически считается белым просто потому, что он блан. Как-то у Фармера работал чернокожий студент-медик из США, и кое-кто в “Занми Ласанте” интересовался, не брат ли он Фармеру. Позднее они спутали второго чернокожего студента с первым. Фармер подсмеивался над этим, и кто-то из персонала парировал (Фармер клянется, что это правда): “Вы, бланы, все такие одинаковые”.

Вначале мы ехали на юг по Национальному шоссе № 3 на пикапе, Фармер за рулем. Дорога шла мимо двухкомнатных хижин с железными крышами и маленьких амбаров на столбиках, где хранились продукты. Их строят, объяснил Фармер, чтобы животные не добрались, но крысы все равно поедают треть урожая. Ехали мимо малорослых свиней и коз и тощих желтых собак. Чуть улыбнувшись, Фармер рассказал, что у гаитянских крестьян много прибауток, например: только они работают на таких кручах, где в кукурузном поле можно сломать ногу. Или: их собаки такие хилые, что прислоняются к деревьям, чтобы ползать. Вскоре далеко внизу показалось горное озеро. Очень красивое зрелище: голубая вода среди крутых безжизненных горных склонов. Но Фармер сказал, что крестьяне видят это по-другому: ужасное водохранилище захватило плодородные земли, похоронило их и изуродовало плоскогорья.

Он поставил машину рядом с развалинами маленького цементного завода. Кусты и трава проросли в беспорядке сквозь ржавый остов. В сотне метров от нас из воды торчала бетонная плотина. В то время Фармер выступал в США с множеством докладов, иногда по нескольку раз в день, и в каждой речи, которую я слышал, он говорил о плотине. Плотина упоминалась во всех книгах, опубликованных им до 2000 года, и в книгах, которые он помогал писать и редактировать, а также во многих его журнальных статьях – к тому времени их набралось сорок две. Как ученый и писатель Фармер приложил все усилия, чтобы показать, насколько взаимосвязаны богатые и бедные страны, и плотина была его любимым примером.

Эта плотина поставлена на Артибоните, самой большой реке Гаити. Плотина называется Пелигр, а образовавшийся водоем – озеро Пелигр. План был разработан инженерами армии США. Строительство проводила техасская компания *Brown & Root* в середине 1950-х, во времена правления одного из гаитянских диктаторов, поддерживаемых США. Деньги поступали из американского банка *Export-Import Bank*. Это подавалось как “проект развития”, и, несомненно, среди создателей проекта были люди, верившие, что это настоящий подарок Гаити. Но никто, похоже, не подумал о земледельцах, живущих в долине выше по течению реки.

Целью проекта были улучшение ирригации и выработка электроэнергии. И не сказать чтобы крестьяне Центрального плато не нуждались или не были заинтересованы в современных технологиях, объяснял Фармер. Но как раз они-то, по их собственным словам, ни воды, ни электричества не получили. Большинство не получило и компенсации. На самом деле плотина должна была помочь сельскохозяйственным предприятиям, расположенным ниже по течению, – в то время ими владели в основном американцы, – и снабжать электричеством Порт-о-Пренс, в первую очередь дома очень немногочисленной богатой элиты Гаити и сборочные заводы, принадлежавшие опять же иностранцам. После затопления долины молодежь Канжи, дети “водных беженцев”, как их называет Фармер, стала уезжать в поисках работы в столицу. Там они готовили, убирали, шили тряпичных Микки-Маусов и бейсбольные мячи. Теперь многие возвращаются домой зараженные СПИДом.

Когда Фармер впервые увидел эту область Гаити и начал раскапывать историю, старожилы пускались в длинные рассказы о том, как они жили до того, как вода поднялась. Тогда их семьи имели фермы по берегам реки, у всех было достаточно еды и еще оставалось немного на продажу. Кое-кто помнил, что их предупреждали о затоплении. Но река по-

прежнему текла мимо, и они, наблюдая за строительством плотины, не могли поверить, что какая-то бетонная стена может остановить реку. Один старик вспоминал, как увидел, что вода поднимается, и внезапно осознал, что его дом и козы через несколько часов окажутся под водой. “Тогда я взял ребенка, козу и пошел наверх”. Люди спешили уйти и унести с собой все, что можно было забрать. Уходя, они то и дело оборачивались и видели, как вода заливают их огороды и поднимается все выше к кронам их манговых деревьев. Большинству из них ничего не оставалось, кроме как обосноваться на ближайших крутых склонах. Здесь земледельцам грозили эрозия почвы и недоедание, с каждым годом все больше напоминающее настоящий голод. И годами слышались плач, проклятия и ожесточенные споры соседей, воюющих за владение оставшейся землей.

Потом положение еще ухудшилось. После строительства плотины у большинства крестьян хотя бы оставались черные низкорослые креольские свиньи. Они выполняли функцию банковских счетов, ими можно было платить за все, например за обучение. Но в начале 1980-х крестьяне потеряли и свиней. В соседней Доминиканской Республике случилась вспышка африканской свинной лихорадки, и США, опасаясь за американскую свиную промышленность, уничтожили всех креольских свиней в Гаити. Планировалось заменить их свиньями, купленными у фермеров Айовы. Однако новые свиньи были более нежными, требовали более дорогого ухода и питания, они плохо приживались. В итоге многие крестьяне остались вообще без свиней. На следующий год после массовой бойни в школах смогло учиться гораздо меньше детей – и по стране, и в районе Канжи.

Мы пошли по верху плотины. Перила заржавели, бетон местами отслаивался. Справа от нас мчались бурные воды Артибонита, слева маленькие лодочки бороздили голубые спокойные воды. Чуть ли не тропический курорт. Фармер шел быстро. Какое-то время его сопровождала стайка детей. Местные жители, шедшие навстречу, улыбались ему и говорили: *Bonjour, doc mwen* – “Доброе утро, мой док”. Сначала было облачно, потом солнечно, потом опять облачно и тихий ветерок. Я чувствовал прилив сил и бодрости благодаря популярности Фармера, бросавшей ответ и на меня.

По другую сторону плотины пешеходная тропинка (рыхлая земля вперемешку с камнями) вела прямо вверх. У Фармера была позвоночная грыжа – результат путешествий по Шоссе № 3 в течение девятнадцати лет. Попав под машину в 1988 году, он перенес операцию на левой ноге, и с тех пор она чуть-чуть отходила в сторону под неестественным углом, словно опорная подставка мотоцикла, как выразился один из его братьев. Он страдал врожденной гипертонией и средней тяжести астмой, возникшей после выздоровления от предполагаемого туберкулеза (точного диагноза так и не поставили). Но когда я, пыхтя и потев, добрался до вершины первого холма, он уже был там, сидел на камне и писал письмо давнему другу, спонсору “Партнеров во имя здоровья”, недавно потерявшему жену. Это был первый из многих холмов на нашем пути.

Мы обогнали улыбающихся детей, поднимавшихся по крутым каменистым тропам, там, где мне приходилось карабкаться на четвереньках. Дети несли воду в ведрах и пластмассовых контейнерах из-под красок, масел и антифриза. Заполненные водой контейнеры весили как полносильщика, обуви у детей не было. Мы проходили мимо островков проса – национального злака, который, казалось, рос не из земли, а из камня, мимо небольших рощиц банановых пальм и кое-где других тропических растений. Фармер останавливался, чтобы сообщить латинское и общее название: азими́на (пау пау), ано́на, ма́нго – невеселый перечень, потому что представителей каждого вида здесь было гораздо меньше, чем следовало бы ожидать в этом климате.

На многих деревьях, еще остававшихся на этой земле (или на этих камнях?), я видел политические граффити, намалеванные красной краской: “Титид” – уменьшительное имя президента Аристида – и “2001” – год, когда, судя по всем плакатам и граффити в районе

Канжи, ему предстояло переизбрание. Полагаю, политика помогала гаитянкам бороться с безнадежностью. Многие эксперты из процветающих стран любят заявлять от имени гаитян, что у них, мол, все безнадежно, говорил Фармер. В данный момент нашего путешествия я и сам подписался бы под таким заявлением. Жилища в этих горах были гораздо хуже большинства домов в районе Канжи. Здесь полы были земляные, а крыши – из листьев банановых пальм. Эти крыши протекают в дождливый сезон, подчеркнул Фармер, и превращают полы в грязь. Мы прошли мимо женщин, стирающих белье в ручейке, текущем по дну овражка.

– Сегодня суббота, – пояснил Фармер. – День гигиены. Похоже, мастер по ремонту стиральных машин не пришел. Гаитяне – народ щепетильный. Я знаю, я облазил здесь самые дальние уголки, самые глухие дыры. Но они сморкаются в одежду, потому что у них нет носовых платков, подтираются листьями и извиняются перед своими детьми, что еды не хватает.

– Ужас, – сказал я.

Но этого было недостаточно. Фармер разошелся.

– И не думайте, будто они этого не знают, – продолжал он. – У БЛ есть такое клише насчет гаитян, что они, дескать, “бедные, но счастливые”. Да, у них приятные улыбки и хорошее чувство юмора, но это совсем другое.

Как и многие другие его замечания, это заставило меня задуматься.

В тот самый момент, когда ты уже решил, что примерно понял его видение мира, Фармер вдруг удивляет тебя. У него были расхождения с людьми, которые вроде бы казались его союзниками, да часто, по сути, и являлись таковыми. Например, с теми, кого он называл БЛ – белыми либералами (притом что некоторые из самых влиятельных представителей этой категории были чернокожими и богатыми). “Я люблю БЛ, до смерти люблю. Они на нашей стороне, – сказал он мне несколько дней назад, поясняя это сокращение. – Но БЛ считают, что все мировые проблемы можно решить, ни в чем себя не ущемляя. Мы в это не верим. Еще нужны самопожертвование, раскаяние, даже жалость. То, что отличает нас от тараканов”.

Мы шли дальше. Я заметил, что многие гаитяне здесь, как и в Канжи, носят американскую одежду, поношенные кроссовки известных марок, бейсбольные кепки и майки с названиями спортивных команд и клубов. Такие вещи здесь называли нарицательным именем кеннеди. Фармер объяснил, что в 1960-х президент Кеннеди поддержал программу помощи Гаити, и среди прочего туда посылались машинное масло. Гаитяне пробовали использовать его для других надобностей, например для готовки, и пришли к выводу, что подарок этот очень низкого качества. С тех пор имя президента стало синонимом подержанного барахла. Кое-где можно было увидеть и другой тип импорта, выполняющий чисто декоративную функцию. В “Занми Ласанте” один молодой работник носил новую соломенную шляпу гаитянского стиля, на которую то ли он сам, то ли его жена пришила самодельную этикетку с надписью *Nike*.

Мы продолжали путь, глубже и глубже в горы, Фармер впереди. Мы болтали, я – обращаясь к его спине. Я обливался потом, но его шея – шейка-карандашик, как шутили его друзья, – оставалась совершенно сухой. Люди приветственно махали ему. При этом руку они держали неподвижно, только пальцы шевелились, словно ножки жука, перевернутого на спину.

– Посмотрите, как гаитяне машут! Прелесть, правда? Вы чувствуете? – сказал он мне, так же шевеля пальцами в ответ.

Наша тропа вилась по бесплодным крутым отрогам. Я думал, что я в довольно приличной спортивной форме, однако на каждой вершине Фармер ждал меня и, улыбаясь, просил не извиняться – я ведь на четырнадцать лет старше, к климату не привык и так далее.

Обычно он добирался до Морн-Мишель за два часа. В тот день только через три часа мы подошли к жилищу недисциплинированного пациента. Хатка была сделана из необтесанного пальмового дерева, крыша – из банановых листьев; внутри очаг, который гаитяне называют “три камня”.

Фармер спросил больного туберкулезом молодого человека: может быть, ему не нравятся лекарства?

– Шутите? – был ответ. – Если б не они, меня бы уже на свете не было.

Оказалось, что больному дали в Канжи нечеткие инструкции и, кроме того, он не получил стандартной денежной помощи. Однако же лекарство он принимал без перерыва, что Фармер был рад слышать. Миссия выполнена. Фармер удостоверился, что лечение не прерывалось.

Мы пошли назад. Я поскальзывался и съезжал вниз по тропинкам за спиной у Фармера.

– Кто-то счел бы, что дело не стоило пятичасового похода, – сказал он мне через плечо, – но это абсолютно бесценно – убедиться, что система работает.

– Конечно, – согласился я. – Но кто-то спросил бы: как можно ожидать, что другие последуют вашему примеру? На это что бы вы ответили?

Он обернулся и, мило улыбаясь, сказал:

– Идите к черту! – Но тут же менторским тоном поправился: – Нет. Нужно сказать так: необходимо воспитывать во врачах и медсестрах внутреннюю потребность посвящать всего себя пациентам и, в частности, полному излечению больных туберкулезом. – Он задорно улыбался, лицо его светилось. В эту минуту он казался совсем юным. – Другими словами, идите к черту.

Мы снова двинулись в путь, и Фармер продолжал, обращаясь ко мне через плечо:

– И если нужно идти пешком пять часов, выдавать больному молоко, кусачки для ногтей или изюм, радио, часы – значит, нужно. Почему в Нью-Йорке мы тратим 68 тысяч долларов на одного туберкулезника, а здесь, если вы начнете выдавать больным радио и часы, международное здравоохранение тут же обвинит вас в создании слишком *дорогостоящих* проектов? Если больной говорит, что ему нужна Библия или кусачки для ногтей, – ради бога, в чем проблема!

Я с трудом спускался с очередного обрыва, когда из рощицы внизу донесся какой-то шум: громкий крик, потом шиканье, потом снова крик. Через несколько минут мы увидели площадку для петушиных боев. Загон окружала плотная толпа мужчин в соломенных шляпах, грубых штанах и рубашках; на ногах – рваные кроссовки, резиновые шлепанцы, старые коричневые туфли без шнурков. Рядом разместились два продавца еды – конкуренты. Другие двое расставили доски для игры в кости; кубики смешивались в сосуде, напоминающем чайник викторианской эпохи. Женщины там тоже были, но держались с краю. Народ расступился, чтобы дать Фармеру место у перил. Он постоял немного. Петухи ходили кругами, примериваясь. Потом один бросился в атаку, хлопая крыльями, и Фармер отошел.

Он переместился под деревья, и там вдруг откуда ни возьмись появились два металлических стула, красный и синий, с драными клеенчатыми сиденьями. Это всегда случалось, когда я ходил с Фармером по деревням: откуда-то появлялись стулья, один для Докте Поля, другой для его блана. Мы сели, и в ту же секунду нас окружили женщины. Их было не меньше дюжины: и пожилые, и хорошенькие девушки в сарафанах с одной порванной перемычкой. Одна женщина среднего возраста, с красивым лицом, но без нескольких передних зубов, облокотилась о дерево и что-то негромко говорила Фармеру. Другие стояли под деревьями или сидели на земле неподалеку, некоторые тоже время от времени с ним переговаривались. Одна женщина сообщила, что им тут нужен еще один медработник, но в целом они пришли просто поболтать. Широко распространено мнение, будто в деревнях люди неразговорчивы, но где найти такую деревню, мы пока не знаем.

Я был измотан, одежда на мне промокла от пота, мысли блуждали. Я думал о стульях, на которых мы сидели: представлял, как их выбросили при обновлении офисов где-нибудь в Миннеаполисе или Майами и какой долгий путь они проделали до этой деревни. Мне казалось, я понял, почему эти женщины, вместо того чтобы смотреть, как положено по субботам, национальный спорт – бой петухов, собрались вокруг Фармера и потихоньку болтают с ним о том о сем своими низкими певучими голосами, неторопливо растягивая слова. Несколько лет назад Фармер прибавил к своей растущей медицинской программе проект по здравоохранению, предназначенный специально для женщин, но поскольку гинеколога среди персонала не было, он наскоро освоил эту специальность самостоятельно и какое-то время практиковал здесь. По-видимому, многие из присутствующих прошли у него первый в своей жизни гинекологический осмотр. Он рассказывал им о регулировании деторождения и предлагал противозачаточные средства тем, кто хотел. Шум и крики с петушиной площадки, кажется, достигли апогея, но все это словно происходило где-то вдали. Я чувствовал, что вот-вот засну, что я уже заснул, убаюканный женскими голосами.

Остаток обратного пути был в основном под гору, хотя и подъемы еще встречались. Я с трудом выбрался из очередного оврага. Фармер, как всегда, уже ждал меня. Он стоял на краю обрыва и смотрел вдаль. Вид отсюда открывался необыкновенный. Прозрачный занавес дождя и туч, снопы солнечных лучей охватывали желтые горы перед нами, и желтые горы за горами, и озеро Пелигр. Раньше зрелище показалось бы мне живописным, но не сегодня. Может быть, я чему-то уже научился. Впрочем, сомневаюсь, что мои новые познания удовлетворили бы Фармера. Ведь не просвещение людей, включая меня, было его целью. Он хотел изменить нас.

Я добыл из кармана слегка намокшую упаковку колечек *Life Savers* и предложил ему угоститься. Он взял конфетку, сказав:

– Ананасовая! Между прочим, это мои любимые. – И вернулся к созерцанию пейзажа.

Он смотрел на воды Артибонита, перекрытые плотиной. Они разлились на запад и восток, теряясь из виду вдали среди гор. Отсюда площадь затопленной земли казалась необъятной. Не отводя от нее взгляда, Фармер произнес:

– Чтобы понять Россию, чтобы понять Кубу, Доминиканскую Республику, Бостон, политику идентичности, Шри-Ланку, спасательные круги, нужно стоять на вершине этой горы.

Этот список, очевидно, был составлен в шутку, да и голос его звучал весело. Но меня не покидало чувство, что он сказал нечто важное. Общий смысл я вроде бы уловил. Вид на земельные угодья, затопленные плотиной, сделавшей его пациентов беднейшими из бедных, – это призма, через которую нужно смотреть на мир. Его призма. Взгляни сквозь нее – и увидишь миллиарды бедствующих во всем мире и поймешь какие-то общие, логически связанные причины их нищеты. Во всяком случае, Фармер, по-видимому, считал, что я прекрасно его понял. С некоторым раздражением я осознал, что не решусь ничего ответить, ибо боюсь его разочаровать.

Часть II

Железные крыши Канжи

Глава 5

Стоит провести хоть сколько-то времени с Фармером, и непременно станет любопытно: как получилось, что он выбрал такой образ жизни? Свои изыскания я начал с традиционной отправной точки.

Родители его были из Западного Массачусетса. Фармер появился на свет в 1959 году в городке Норт-Адамс – в прежние времена это был солидный промышленный центр. Он родился вторым из шести детей: три мальчика, три девочки. Маму звали Джинни, она была дочерью фермера. Джинни, не доучившись, бросила колледж, чтобы выйти замуж. Черты матери, довольно высокой худенькой женщины, определенно проглядывают в Фармере. Сын унаследовал ее нос, и они одинаково легко краснеют.

Отец Фармера, Пол-старший, был крупным мужчиной под метр девяносто, весом больше 100 килограммов. Он был хорошим спортсменом, упорно стремился к победам на соревнованиях. Товарищи по баскетбольной команде прозвали его Локтем. Дочери окрестили его Стражем за строгость: никакой косметики, никаких кавалеров, вечером быть дома. Характер он имел непоседливый. У него была надежная работа в торговле в Массачусетсе, но друг сказал ему, что настоящие деньги можно сделать, занимаясь торговлей на юге, в Алабаме: “Алабама – это спящий великан”. В 1966 году Страж увез свою растущую семью на юг, в Бирмингем.

Оглядываясь назад, можно сказать, что годы в Алабаме были для Джинни счастливыми. Мебели у них было маловато, зато они жили в настоящем доме и впервые купили стиральную машину-автомат. Чтобы семья могла позволить себе поездки на каникулы, Страж купил на аукционе большой автобус. Интересно, что этот автобус когда-то служил передвижной туберкулезной лечебницей, на крыше даже имелась специальная надстройка для размещения рентгеновского аппарата. Автобус был марки *Blue Bird*, и Фармеры называли его отелем “Синяя птица”. Между тем Пол-младший, или Пи-Джей, или Пел для своих, вполне процветал. Сестры помнят его тощим мальчишкой, бурно проявлявшим как гнев, так и симпатии. “К тому же, – добавляют они, – у него были потрясающие мозги”. В начальной школе его определили в класс для особо одаренных. В четвертом классе он организовал кружок по герпетологии. На первое заседание кружка он пригласил всех одноклассников к себе домой и попросил маму сделать печенье из рисовых хлопьев. Никто из одноклассников не пришел, и Пол притих на какое-то время (для его старшей сестры – верный знак, что он огорчен). Тогда кружком стала семья – по велению Стража участие было обязательным. Собрания кружка проходили в гостиной. Пи-Джей наряжался в банный халат, водил указкой-палочкой по нарисованным углем рептилиям и амфибиям. Рисунки были сделаны им самим, и сделаны отлично – даже его братья и сестры это признавали. Он рассказывал, чем животные питаются, как размножаются, как долго живут, описывал их интересные и необычные свойства. Каждый вид он называл по-латыни. Одна из сестер вспоминает, как ей хотелось побить его и убежать обратно на улицу играть. Но постепенно и она, и остальные втягивались и начинали задавать вопросы.

Обе его бабушки были благочестивыми католичками, семья посещала церковь, и Пи-Джей прошел через все обряды первого причастия и конфирмации, даже какое-то время служил алтарником, однако глубоко это его не затрагивало. “Это было скорее для порядка, –

вспоминал он, – хотя месса мне нравилась и тогда, и сейчас нравится. Но гораздо больше меня увлекало чтение”. Родители одного мальчика из его класса для особо одаренных владели книжным магазином, и когда Полу было одиннадцать лет, они дали ему почитать трилогию Дж. Р. Р. Толкиена “Властелин колец”. Он прочитал всю книгу за пару дней и тут же перечитал ее. Затем принес книгу в библиотеку и попросил подобрать что-нибудь похожее. Ему выдали несколько томов фантастики. Он принес их обратно со словами: “Все не то”. Так продолжалось некоторое время, пока однажды библиотекарь (наверняка не без колебаний, ведь мальчику было всего одиннадцать) не дала ему “Войну и мир”. “Вот это то, что нужно! – сказал он библиотекарю через неделю. – В точности как “Властелин колец”!” Годы спустя он пояснил: “Ну правда же, где найдешь более религиозное чтение, чем “Властелин колец” или “Война и мир”?”

Продажи в Алабаме шли у Стража не особенно успешно. Он стал учителем. Но атмосфера в Бирмингеме в конце 1960-х заставляла их с Джинни беспокоиться о безопасности детей. Страж нашел работу в школе во Флориде, и в 1971 году семья погрузила свое имущество – все, что поместилось, – в отель “Синяя птица”. Все вместе – Страж, Джинни и дети – ухитрились вытащить во двор стиральную машину, но в двери автобуса она так и не пролезла. Одно из самых ярких воспоминаний Фармера – это как они отъезжали от дома, который снимали в Бирмингеме. Он смотрел на свою милую молодую маму, а она не могла отвести глаз от своей стиральной машины, белеющей среди кусков угля, разбросанных по двору. Другой у нее не будет еще долго. Они направлялись в Бруксвилл, городок к северу от Тампы на побережье Мексиканского залива.

Старшая сестра Фармера помнит, как они ехали в своем отеле “Синяя птица” по нарядной улице городка. Красиво свешивался с деревьев испанский мох, по обеим сторонам возвышались дома с колоннадами на парадном крыльце, напоминающими архитектурный стиль рубежа XVIII–XIX веков. Страж, сидевший за рулем, сказал: “И у нас будет такой дом”. Но пока что они направились к поселку на колесах Брентвуд-Лейк, где рядом с сосновым лесом стояли автофургоны. Страж был, видимо, занят своими мыслями и, подъезжая к администрации поселка, то ли забыл про надстройку на крыше автобуса, то ли не заметил электрических проводов наверху. Как бы то ни было, надстройка зацепилась за провода и сорвала их.

Когда аварию устранили, Страж нашел цементный блок, положил его перед дверью автобуса вместо ступеньки, и семья поселилась на новом месте. Джинни пошла работать в супермаркет, где научилась одновременно управляться с кассой, улыбаться покупателям и нажимать педаль конвейера. Она была простым кассиром, но вечерами читала детям “Плачь, любимая страна”, а годы спустя пошла учиться в Смит-колледж и все-таки получила степень бакалавра. Никто в семье не помнит, чтобы мама жаловалась на что-то в то время во Флориде. “Моя мама точно как Дева Мария, только что не дева: любящая, добрая, никого не осуждала. Наш оплот спокойствия”, – говорила одна из сестер Фармера. Много лет спустя Джинни признавала, что следовало бы, пожалуй, почаще стоять на своем и не потакать во всем Стражу, но ведь тогда была эра послушных жен. “Впрочем, – добавила она, – спорить с Полом Фармером было нельзя. Просто нельзя. И мы знали, что он любит нас”.

В надстройке на крыше автобуса Страж соорудил полати в три яруса для мальчиков. Пи-Джею досталось место на самом верху. Он лежал на своей полке, читал или делал уроки, а под ним его брат Джефф упражнялся на барабане, время от времени объявляя: “А вот так стучал Крупа”. Тем не менее в школе Пи-Джей был отличником. Потом он говорил, что у такой жизни были свои преимущества. Его отец считал возможным поселиться с семьей в автобусе, зато он совершенно не возражал против большого аквариума с рыбками для Пи-Джея. Фармер утверждал, что в детстве у него никогда не было чувства, что ему чего-то не хватает. Правда, он соглашался, что все это было довольно необычно. Он вспоминал, как

однажды возвращался в поселок на колесах на школьном автобусе и его одноклассник-афроамериканец удивился: “Как, вы здесь живете?” Они прожили в автобусе пять лет, иногда пускаясь на нем же в путешествия.

Страж, что вполне для него характерно, так и не разобрался до конца в электрической схеме автобуса, и каждый раз, когда они возвращались на стоянку и подключались к источнику питания, шансы были пятьдесят на пятьдесят, что вилка будет вставлена неправильно и кого-то ударит током. Мальчики спорили, чья очередь вставлять. Страж не озаботился поместить вилку – может быть, потому, что сам никогда ее не подключал. Он был занят другими делами, с улыбкой объяснила мне Джинни. Однажды, когда они возвращались из поездки в Массачусетс, на шоссе во время грозы сломался кое-как изготовленный Стражем фаркоп, на котором к автобусу крепился прицеп. Отель “Синяя птица” соскользнул с дороги, упал вниз с крутой насыпи и перевернулся на крышу. Надстройка не дала ему покатиться дальше. Каким-то чудом никто серьезно не пострадал. Однако Стражу понадобились месяцы, чтобы худо-бедно привести семейное жилище в порядок.

Когда Фармер рассказывал мне эту историю, я спросил, где они жили во время ремонта. – В палатке, *конечно*. Что за вопрос?

Бывали дни в автобусе, когда Страж пел и танцевал, бывало, он читал вслух пьесы Шекспира и книжки вроде басен Эзопа. Но, например, Кэти, старшая сестра Фармера, утверждает, что даже его чтение порой действовало на нервы. Только он начал читать “Швейцарскую семью Робинзонов”, книжку о семье, спасшейся с потерпевшего крушение корабля и счастливо живущей на острове в примитивных условиях, как Кэти подумала: “Так-так...” Позднее, когда он стал читать “Робинзона Крузо”, она с первых же страниц взмолилась про себя: “Нет, только не это!” Были и другие тревожные предзнаменования. Страж никогда не был на море, но еще в Алабаме покупал журналы, посвященные лодкам и яхтам. У него их уже накопилась целая кipa.

Примерно в то время, когда Пи-Джей только стал старшеклассником, Страж купил на аукционе старый вельбот – пятнадцатиметровый пустой корпус с дырой, которую он зачинил. Затем Страж взял годовой отпуск на своих двух работах (в Бруксвиле он преподавал в школе и занимался с умственно отсталыми взрослыми) и принялся строить кабину для лодки, пыхтя и чертыхаясь, познавая по ходу дела плотницкие премудрости. Семья была подключена к процессу в полном составе. На полпути деньги стали подходить к концу, и Страж объявил Пи-Джею и младшим мальчикам: “Мы идем собирать апельсины”. “Папа, белые не собирают апельсины”, – возразил Пи-Джей. “Да ну? Я вам покажу белых”.

Большинство сборщиков на апельсиновых деревьях и в самом деле были чернокожими. Пи-Джей слышал, как они переговаривались, сидя на своих деревьях, и спросил отца, что это за странный язык. “Это креольский. Они гаитяне”, – объяснил Страж. И он кратко описал юному Полу невероятную бедность страны Гаити. Но тогда Пи-Джей не успел познакомиться с гаитянами – на сборе фруктов Фармеры проработали недолго. Плата была мизерная. Уже через несколько дней Страж объявил, что с них хватит. Он вернулся к работе над лодкой, которую в честь жены назвал “Леди Джин”. Решив наконец, что все готово, он купил генератор для лодки и большой запас рыболовного снаряжения. Вообще-то семейный бюджет не позволял таких расходов, но Страж твердил, что они моментально окупятся. По его плану лодка должна была обеспечить им полную независимость. Она станет и домом, и источником дохода – отныне они начнут ловить рыбу на продажу.

Их первое путешествие началось в спокойный и солнечный день. Страж стоял у руля. Они вышли в Мексиканский залив, далеко, так, что берег уже не был виден, бросили якорь в мелких водах залива, пообедали, поплавали. Пи-Джей и остальные дети резвились вокруг лодки. Но съедобной рыбы они поймали очень мало, а вечером поднялся шторм. Ветер завывал, лодку швыряло у якоря, и Джинни насмерть перепугалась. Страх сделал ее такой же

неуступчивой, как муж, и ночью она заставила его выбросить обвязанный веревкой генератор за борт, чтобы служил вторым якорем. А в это время в чреве лодки, в ходуном ходящей каюте дети веселились как никогда: “Вот это да! Настоящий шторм!”

Много лет спустя брат Фармера Джефф говорил мне, что он всегда знал: мореход из отца никудышный. Еще утром, когда они только вышли в открытый океан, стало ясно, что он ничего не смыслит в навигации. “Но вот в чем штука... странное дело. Мы видели, что он берется за то, чего не умеет, но почему-то чувствовали себя в безопасности. Точно знали, что он нас как-нибудь да вытащит, что ему все нипочем”. Джинни, которая столько страху с ним натерпелась, сказала про Стража так: “Он отчаянно рисковал, но в итоге все всегда кончалось благополучно”. И добавила, помолчав: “Ну то есть ни разу никто серьезно не пострадал”.

На следующий день, направляя лодку к берегу, Страж сбился с курса и задел скалу, и все же они благополучно добрались до порта. Еще несколько раз “Леди Джин” выбиралась в короткие, но памятные путешествия. Во время одного из них Страж проигнорировал сигнальные буи, размечающие фарватер, – видимо, считал, что они относятся к факультативным правилам, которым он следовать не обязан. Джефф забеспокоился: “Папа, мы вышли из фарватера”. “Помолчи, тебе-то откуда знать”, – огрызнулся Страж. В ту же секунду лодка с размаху села на мель. Но в основном после первого и единственного рыболовного путешествия “Леди Джин” оставалась на причале в необитаемом местечке побережья Мексиканского залива, в его рукаве, называемом Дженкинс-Крик.

На книжной полке в маленьком домике на выжженных холмах в центре Гаити у Фармера стояла фотография этого прежнего дома. “Леди Джин”, выкрашенная когда-то в белый цвет, пришвартована к металлической трубе. Лодка окружена болотной травой, на заднем плане высокие пальмы. От лодки мостки ведут на сушу. На крыше каюты – телевизионная антенна. Каюта, кубическая надстройка, возведенная на округлом корпусе судна, смотрится немного нелепо. Отеля “Синяя птица” не видно на фотографии, но он стоит неподалеку, на проселочной дороге за ручьем, готовый к семейным поездкам.

Страж был здесь счастлив. Похоже, его желание сбылось: семья как будто и впрямь обитала на острове, надежно огражденная от зловредных влияний. Что касается Пола-младшего, он любил эту бухточку, звездное безмолвие, скопу, жившую в гнезде рядом с “Леди Джин”, справа от носовой части, выдр, проплывавших мимо, лающие крики аллигаторов в ночи. Подрабатывая в Бруксвиле, в аптеке и в закусочной, он копил деньги и покупал материалы для экспериментов с ландшафтным дизайном и устройства маленького пруда с рыбками недалеко от мостков. То, что приливы периодически смывали его сооружения, Пи-Джея не смущало.

Тяжелее всего жизнь в заливе давалась Джинни. Она работала полный рабочий день в супермаркете и должна была заботиться о шести детях и муже на лодке. Братья Пи-Джея росли крупными, в отца, всегда хотели есть, а холодильник на лодке был такой маленький, что его приходилось наполнять каждый день. Когда шел дождь, они подставляли кастрюли и сковородки под потоки, льющие сквозь дырявую крышу. Ночью по днищу бегали тараканы – звук был такой, будто в комнату набились нетерпеливые женщины и постукивали длинными ногтями по столу. Стирали Фармеры в городской прачечной, а сами мылись и мыли посуду в солоноватой воде заливчика. Воду для питья привозили издалека, незаметно наполняя свои емкости из кранов около бензоколонок и набивая ими багажник. К тому времени Страж купил на аукционах еще два автомобиля – “Пестрый грузовичок” и списанную армейскую легковушку за 288 долларов, получившую прозвище “Командирская машина”.

Однажды на пустынной дороге из Бруксвиля “Командирская машина” перегрелась. Воды с собой не было, и Страж велел мальчикам помочиться в радиатор. Пи-Джей и остальные дети стеснялись этих машин, особенно “Командирской”. Как-то по дороге в школу они

попросили отца высадить их подальше. Вместо этого он подъехал по полосе для автобусов прямо к школе, да еще посигналил гудком. “Вот, будете знать”, – сказал он.

Фармер говорил о своем детстве: “Когда я рассказываю про себя, все звучит как-то уж чересчур гладко. Легко было бы сказать, что ребенком я жил в доме на колесах, собирал апельсины с гаитянами, потом стал интересоваться рабочими-иммигрантами и отправился в Латинскую Америку. Все это так, да не так. Нам говорят, что биографии должны быть аккуратными и логичными, вот мы так их и пишем. А на самом деле можно прийти к тому же самому совершенно иным путем”.

Действительно, если дети растут без водопровода, живут в автобусе или на лодке со Стражем у штурвала, это может предопределять их характеры и судьбы очень по-разному. Все дети Фармеров, став взрослыми, живут в обычных домах. Одна из сестер стала художником по рекламе, другая заведует общественными связями в психиатрической больнице. Третья сестра – профессиональный оратор. Один из братьев работает электриком. Джефф стал профессиональным борцом, болельщики зовут его Супер-Джей, а в семье его прозвище – Добрый Великан.

Бесспорно, однако, что детство Фармера послужило хорошей подготовкой к кочевой жизни. Так же как и его братья и сестры, из вод заливчика он вышел с очень нетребовательной, как он сам выразился, пищеварительной системой. Ужины, состоявшие из хот-дога и фасолевого супа, сделали его непритязательным в еде. А жизнь в тесноте развила способность концентрироваться в любых условиях. Он мог ночевать в зубо врачебном кресле – в течение одного лета он так и делал в клинике в Гаити и уверял, что это было далеко не худшее спальное место в его жизни. Вероятно, его слабость к хорошей гостинице и бутылке дорогого вина – того же происхождения. После “Командирской машины”, говорил Фармер, ты уже ни перед кем не будешь смущаться и робеть. Он допускает, что такое детство не способствовало ощущению “родного гнезда”. “У меня никогда не было чувства, что вот это – мой дом. Скорее так: мы тут остановились. А потом я опустился на дно колодца и вдруг понял: да вот же мой дом”. Он имел в виду Канжи.

Отчасти ради того, чтобы отвертеться от утомительных хлопот по дому-лодке, которыми их норовил нагрузить отец, Пол и остальные дети записались чуть ли не во все кружки и секции, какие только могла предложить школа Эрнандо-Хай в Бруксвиле. “В вашей семье леженок нет”, – как-то сказал я матери Фармера. “Негде лежать было”, – ответила она. В школе Фармер пользовался большой популярностью, особенно у девочек. Объясняется просто, сказала его мать: он их слушал. В выпускной год он был президентом класса и поступил в Университет Дьюка с полной стипендией.

К большому удивлению Фармера, как вспоминает Джинни, первый семестр он окончил вовсе не круглым отличником. Все было в новинку. Он впитывал настоящую культуру. Стал театральным критиком в студенческой газете, писал и об изобразительном искусстве. Когда газета поручила ему написать статью про спектакль, он впервые в жизни попал в театр. Тогда же он обнаружил, что на свете существуют богатые. В общежитии он познакомился с первокурсником Тоддом Маккормаком, сыном процветающего спортивного агента. Когда Маккормак распаковывал свои вещи, Фармер спросил его: “Зачем ты засунул рубашки в полиэтиленовые пакеты?” Одаренный мальчишка из маленького городка в Южной Флориде, он не привык принимать горячий душ, не имел ни приличной одежды, ни карманных денег, а в Дьюке некоторым его однокурсникам родители купили квартиры, чтобы они не жили в общежитии. Какое-то время он встречался с девушкой, державшей собственную лошадь в конюшне неподалеку от кампуса. Как большинство (60 процентов) учащихся, он вступил в студенческое братство и стал там директором по организации мероприятий. “Богатство сильно меня притягивало, – вспоминал он. – Чуть не затянуло”.

Был такой период в первые два года в Дьюке, когда некоторым членам семьи казалось, что Пи-Джей проходит традиционную американскую инициацию и скоро отвернется от родных. Как-то раз он приехал домой в рубашке *Lacoste* и высказался в духе, что, мол, не может носить нефирменную одежду. “Ну ладно, – отозвался Страж, – пусть наш фирменный Пел все-таки подраит днище”.

Однажды одна из младших сестер навестила его в университете. Во время завтрака с Пи-Джеем и его подружкой, девицей из обеспеченной семьи, сестра с живописными подробностями рассказала, как дома в заливишке она убила и выпотрошила беременную водяную змею, а из кожи смастерила шляпу “медузу” для Пола. Результат не разочаровал ее: подружка отодвинула несъеденный омлет, а Пи-Джей побагровел, пытаясь сдержать смех. Фармер вспоминал, как он как-то приехал из университета, а Страж открыл кузов своего ископаемого грузовичка, набитый бесполезным старым хламом, – навстречу им вылетело несколько ос, – и с саркастической усмешкой объявил: “Когда-нибудь, сын, все это будет твоим”.

К тому времени Фармер ушел из студенческого братства. Он написал им, что не может состоять в организации, где все белые. (“Я получил ледяной ответ”, – говорил он таким тоном, как будто до сих пор удивлялся подобной реакции.) Фармер научился ценить отцовское презрение к зазнайкам, его нежность к отщепенцам – умственно отсталым, с которыми он работал, малоимущим соседям по поселку на колесах, которые однажды подарили всем детям Фармеров копилки, сделанные из старых бутылок из-под отбеливателя, – его стремление подбросить денег тем, кто действительно беден. На последних курсах Пол приезжал домой все реже и реже, но не потому, что все еще хотел (если вообще когда-либо хотел) оставить позади старую жизнь ради новой, более благоустроенной. “Он должен был избавиться от влияния отца, – объясняла Джинни. – А дома его всякий раз возвращали к давно заведенному порядку”.

Все дети Фармера стремились завоевать одобрение отца. Но это давалось нелегко. Придешь домой с пятеркой за работу, а он спросит: “А кто-нибудь получил пять с плюсом?” Страж любил спорт. Братья Пола преуспевали во всех видах. Пи-Джей не имел успеха ни в одном. Но он старался. По семейной легенде, за тот год, что Пол занимался бейсболом, его единственный точный (по случайности) удар битой пришелся по голове сына тренера. В старших классах он пробовал теннис и бег на длинные дистанции и на соревнованиях так перенапрягался, что на финише его рвало. “Как вспомню, плакать хочется, – говорила Джинни. – Он так мечтал доказать отцу, что вот теперь он тоже спортсмен и отец может им по-настоящему гордиться”. На самом-то деле, по словам Джеффа, Страж постоянно хвалился успехами Пи-Джея – его отметками на экзаменах, его полной стипендией в Дьюке, – но только не в его присутствии: “Он безмерно гордился Пи-Джеем, но никогда не говорил ему об этом. Такой у него был характер – не желал, чтобы парень зазнался”.

Страж годами лелеял мечту: вот вырастут дети, обзаведутся семьями, все поселятся рядышком, и они с Джинни возглавят большой дружный клан. Вместо этого один за другим дети уходили из дома. Владелец земли рядом с заливом Дженкинс-Крик умер, участок купил округ, и Фармерам пришлось переехать. Они поселились в автофургоне на двух акрах соснового подлеска чуть в стороне от Стар-роуд в Бруксвиле. К этому времени с родителями жили только две младшие девочки, Дженнифер и Пегги. Свой новый дом они называли “Стар-роудской тюрьмой”.

“Леди Джин” нужно было снимать с якоря. Страж решил, что перегонит ее в другую гавань, дальше к югу. С собой он взял только Дженнифер. Его навигационные навыки нисколько не улучшились. Все так же он чихать хотел на сигнальные буи и вехи. “Он посадил лодку на мель, и мы провели там всю ночь, но снять ее так и не удалось”, – вспоминала Дженнифер. Утром отец объявил: “Мы просто сожжем ее прямо здесь”. Страж сказал, что устроит лодке погребение в море – по обычаю викингов. “Чтоб никто в ней больше не жил”, –

добавил он. Тогда они с Дженнифер собрали с лодки все, что могло пригодиться, в основном книги и фотографии, погрузились на спасательную шлюпку “Мини-Джинни” и на веслах дошли до порта. Пока они покупали бензин для викингских похорон, по пристаням прошел слух о сумасшедшем плане Стража, и один человек остановил их: “Не делайте этого, вы же погибнете. Кроме того, я бы забрал ваш мотор”. Он стащил “Леди Джин” с мели и отбуксировал ее в порт. Но на суше Страж все-таки устроил семейной лодке погребальный костер.

Оглядываясь назад, Дженнифер говорила, что у брата Пола было немало общего с отцом. Больше всего, по ее мнению, сходство проявлялось в том, что оба, поставив себе цель, ни за что не отступали. Отец считал, что способен побеждать стихии. Ничего, никого, никогда не боялся. “Только один-единственный раз я видела, как его броня дала трещину, – тем утром, когда он решил сжечь лодку. Все шло наперекосяк. Лодка выброшена на берег, дети покидали дом, и не было больше у него хороших помощников”.

Он умер через несколько лет, в июле 1984 года, играя в дворовый баскетбол. Ему было сорок девять, и на вид он казался здоровым. По-видимому, это был инфаркт.

Телефон не сделал людей добрее. Узнав, что он принят в Гарвардскую медицинскую школу, Пи-Джей позвонил из Гаити домой обрадовать родителей, а Страж отмахнулся: “Да знали мы, что ты туда попадешь”. Это правда, что временами их отношения были непростыми.

К тому времени, когда Страж умер, у Фармера была постоянная девушка. Она поехала с ним во Флориду вскоре после похорон. Они гостили в “Стар-роудской тюрьме”. Полуразвалившийся отель “Синяя птица” все еще был припаркован неподалеку, и Фармер, заглянув в автобус, нашел там старые книги и письма. Его девушка отошла ненадолго. Впоследствии она вспоминала: “Когда я вернулась, Пи-Джей сидел на месте водителя и держал в руках письмо, которое отец написал ему, когда он поступил в медицинскую школу. Там было что-то в духе: я просто хочу сказать, что очень горжусь тобой. Пи-Джей рыдал”.

Глава 6

Старые товарищи по колледжу вспоминают молодого человека, который легко завязывал приятельские отношения как со студентами, так и со студентками. Друзей у него было великое множество, и он обладал фотографической памятью на детали жизни каждого. Он мог спросить, как дела у твоих родственников, а ты даже не помнил, что говорил ему о них. Если ты шел с ним обедать в кафе на кампусе, то и за полчаса мог не добратся до столика: ему надо было остановиться и поболтать с разными знакомыми. Он любил заниматься в компании, но если ты с ним оставался допоздна, то неизбежно чувствовал, что у него все получается легче, чем у тебя. Зато потом он мог начать бросаться едой или гримасничать и снимать свое лицо на ксероксе, а потом вы вместе шли через спящий кампус, громко распевая песни из “Звуков музыки”: “Капли дождя на розах и усики котят...”

После первого семестра Фармер стал учиться на “отлично”. Одно лето и осенний семестр он провел в Париже. Он отправился туда практически без денег и без договоренности о работе и нашел там франко-американскую семью, которой помогал с домашними обязанностями и с детьми в обмен на еду и жилье. Мать каждую неделю присылала ему пять долларов, и на них он ходил в театр. В свои выходные дни он участвовал в политических демонстрациях. “Сегодня суббота, – говорил хозяин дома. – На какой демонстрации ты побывал?”

В Париже он выбрал четыре дисциплины, среди которых оказался курс антропологии, который последний раз в своей жизни читал Клод Леви-Строс. Профессор уже был настолько слаб, что на кафедру его вносили. К моменту возвращения в Университет Дьюка Фармер свободно читал, писал и говорил по-французски.

На первых двух курсах Фармер изучал естественные науки, потом сосредоточился на медицинской антропологии. Он много читал и по предметам вне программы. Многие профессора любили его, а он любил их. Его выпускная научная работа была о “гендерном неравенстве и депрессии”. Этот выбор отчасти объясняется тем, что все знакомые ему медицинские антропологи были психиатрами. Однако никто из них официально не назывался его научным руководителем. Эта честь досталась Рудольфу Вирхову, немецкому ученому-энциклопедисту, умершему в самом начале столетия.

По сравнению с другими историческими личностями в медицине, такими как Пастер, Швейцер или Флоренс Найтингейл, Вирхов менее известен. Существует всего одна его полноценная биография. Тем не менее он был, по выражению одного комментатора, “главным архитектором фундамента научной медицины”. Это он впервые предположил, что в основе биологической жизни лежат самовоспроизводящиеся клетки и что объяснение заболеваний нужно искать в клеточных изменениях. Вирхов внес большой вклад в онкологию и паразитологию, придумал более пятидесяти медицинских терминов, которые и сейчас в ходу, описал патофизиологию многих болезней, включая трихиноз, добился обязательного контроля качества мясных продуктов в Германии. Он разработал систему канализации, которая превратила Берлин из зловонной помойки в один из самых здоровых городов Европы. Он основал ряд больниц и школу для медсестер. Он занимался археологией и сыграл важную роль в раскопках Трои, производившихся Генрихом Шлиманом. Он помог определить задачи медицинской антропологии. Он был врачом, учителем, активным политиком, так настойчиво противостоявшим имперским амбициям Германии, что однажды Бисмарк вызвал его на дуэль.

Вирхов опубликовал более двух тысяч статей и десятки книг. Учась в Дьюке, Фармер читал переведенные работы Вирхова и материалы о нем. Деятельность Вирхова – начатое смолоду бесконечное приключение, совмещающее интеллектуальные и практические задачи, – поразила воображение умного юноши. Когда Вирхову было всего двадцать шесть

лет, правительство Германии отправило его в Верхнюю Силезию, поручив доложить об эпидемии голодной лихорадки (сейчас ее называют возвратной лихорадкой). Вирхов обнаружил бедствующие земли, населенные поляками, отданные владельцами на откуп управляющим. Население питалось в основном картошкой и водкой, постоянно страдало от малярии и дизентерии. В своем докладе немецкому правительству Вирхов писал: эпидемия вызвана ужасающими условиями жизни, коим правительство способствовало, а улучшению способствовать и не думает. Только через сорок лет ученые идентифицировали все источники возвратной лихорадки, которая передается через вшей. И в дальнейшем исследования показали, что Вирхов был прав. Эпидемии обычно возникают после общественных беспорядков, приводящих к скоплениям людей, антисанитарии и недоеданию. В своем докладе Вирхов сформулировал основной закон эпидемиологии: “Если болезнь – это проявление отдельной жизни в неблагоприятных условиях, тогда эпидемии должны отражать большие системные нарушения в жизни больших групп людей”. Жителям Верхней Силезии для излечения он прописал “установление полной и неограниченной демократии”. Это означало, помимо прочего: сделать польский язык официальным, взимать налоги с богатых, а не с бедных, разделить церковь и правительство, строить дороги, вновь открыть приюты для сирот, вкладывать деньги в сельское хозяйство. Правительство уволило его. Вирхов писал: “Я предлагал политику профилактики, но мои оппоненты предпочитали лечить симптомы”.

У него был талант к афоризмам: “Медицина – это социальная наука, а политика – это не что иное, как медицина в крупном масштабе”. “Это наше проклятие, что мы можем приспособиться к самым ужасным условиям”. “Медицинское образование дается не для того, чтобы обеспечить жизнь медиков, а для того, чтобы обеспечить здоровье общества”. “Настоящие защитники бедных – это врачи, и большинство социальных проблем должны решать именно они”. Фармер больше всего любил это последнее высказывание.

Фармеру импонировало мировоззрение Вирхова. “Вирхов видел все в комплексе, – говорил он. – Патологию, социальную медицину, политику, антропологию. Эта модель мне нравится”.

У Фармера сложился, частично благодаря Вирхову, этический подход к проблемам здравоохранения. Еще в Дьюке он нашел и конкретные примеры.

Он читал много книг и статей по антропологии и истории, социологии и политике. Он интересовался текущими событиями, особенно разгулом насилия в Латинской Америке. Когда в 1980 году архиепископ Оскар Ромеро был убит правыми экстремистами в Сальвадоре, преподаватели и студенты устроили в знак протеста ночную службу в часовне Дьюка, и Фармер пришел со всеми. Кроме того, он почитал кое-какие материалы, чтобы ознакомиться с направлением в католицизме, называемом теологией освобождения, которое проповедовал Ромеро, за что и был убит. Эту доктрину разработали латиноамериканские теологи, и в конце 1960-х католические епископы в Латинской Америке утвердили некоторые ее положения. Епископ в Бруксвиле, когда-то проводивший конфирмацию Фармера, главным образом предупреждал об опасностях секса вне супружества. Но в тех церковных документах, что теперь читал Фармер, латиноамериканские епископы говорили об угнетении бедных, которое называли “узаконенным грехом”. Они заявляли, что обязанность церкви – обеспечивать “преференцию для бедных”. Фармер помнит, как он подумал: “Вот это да! Это не те католики, которых я знал в детстве”.

Но Фармер не сказал бы, что политика или религия его очень сильно увлекли. Им руководило не столько возмущение, сколько любопытство относительно устройства мира. У него было ощущение, что правда о том, что происходит в таких странах, как Сальвадор, большинству американцев неизвестна. И скорее именно любопытство привело его в лагерь рабочих-иммигрантов, расположенные недалеко от Дьюка: “Вот я здесь, в очень богатом

университете, где распространены удобные нам взгляды. И вдруг знакомлюсь с монахиней, бельгийкой Юлианной Девольф, которая работает по программе содействия Союзу сельскохозяйственных рабочих. Она – пример настоящего бесстрашия. Я помню, как подумал, что еще не встречал человека столь решительного и преданного делу, что в ней удивительно сочетаются гордыня и смирение. Гаитянские рабочие ее боготворили”. Потом Фармер расширил круг знакомств с такими, как он называл их, “церковными дамами”. Они произвели на него изрядное впечатление, но не своей набожностью, а неутомимой борьбой за интересы рабочих-иммигрантов. “Они гораздо более воинственны, если можно употребить здесь это слово, чем белые либералы и ученые-теоретики. Эти дамы, в своих практичных, как положено монахиням, башмаках, отстаивали права рабочих перед работодателями, развозили иммигрантов по больницам и судам, переводили для них, доставали им продукты и водительские права”.

Объезжая с сестрой Юлианной табачные плантации Северной Каролины, Фармерзнакомился с гаитянами. Те жили в ужасных условиях, по сравнению с которыми его собственное детство в автобусе и на лодке казалось идиллией. Он начал читать про Гаити все, что только можно было найти. К окончанию университета он написал статью на шесть тысяч слов о гаитянах, работающих в полях неподалеку от Дьюка. Статья называлась “Бездомные гаитяне”. Фармер пришел к заключению, что гаитяне и у себя на родине, и за границей самые бесправные из бесправных, самые обездоленные из обездоленных.

Фармер окончил Дьюк с отличием и покинул университет, пылая интересом ко всему, что касалось гаитян. Он посещал центр временного содержания во Флориде, принимал участие в протестах против несправедливого “фаворитизма” американской иммиграционной политики, согласно которой почти всех кубинских беженцев принимали в страну, а гаитян, как правило, отсылали обратно, обрекая на голод и болезни под гнетом самой жестокой, самой эгоистичной диктатуры Карибского бассейна. К этому моменту Фармер определенно прогрессировал, по его собственным словам, от любопытства к возмущению. Впрочем, любопытство тоже еще оставалось.

История этой страны достойна пера Гомера, или Толстого, или, если послушать Фармера, Толкиена. Прибытие Колумба на остров, который он назвал Эспаньолой, последующее истребление индейцев-араваков. Раздел острова между Францией и Испанией. Французам досталась западная треть острова, где они основали рабовладельческую колонию, приносящую баснословную прибыль и отличающуюся жестокими порядками: треть каждой новой партии рабов, доставляемых из Западной Африки, умирала в течение трех лет. Долгое кровавое восстание рабов началось в 1791 году, и даже Наполеон с сорокатысячной армией не мог его подавить. Наконец, в 1804 году было создано первое в Латинской Америке независимое государство, Гаити, и первая в мире республика чернокожих. Но следующие двести лет после объявления независимости страной управляли из рук вон плохо, по указке и при помощи иностранных держав, особенно Франции и Соединенных Штатов. А с 1915 по 1934 год страна была оккупирована Корпусом морской пехоты США, он же ею и управлял.

Фармеру история Гаити и впрямь напоминала “Властелина колец”: нескончаемая эпическая битва между богатыми и бедными, между добром и злом. Он с восхищением читал о культуре этой страны. Оказалось, у Гаити есть своя музыка и литература, картины гаитянских художников висят в европейских и американских музеях. Народ Гаити исповедовал сложную религию – вуду, где почитались некое далекое высшее божество и целый пантеон божественных существ, включающий и католических святых. Эта система верований заслуживала внимательного изучения еще и потому, что ее обычно понимали неверно и осыпали насмешками. И гаитянский креольский язык, вопреки расхожему мнению, оказался не корявым местным наречием, но, по существу, одним из романских языков, производным от французского, а по некоторым фонетическим особенностям и грамматическим структурам –

определенно африканским. Язык этот уникален для Гаити, красивый, выразительный, возникший в результате суровой необходимости, так как хозяева-французы намеренно разделяли рабов, говорящих на одном языке, и рабы придумали другой, общий. Фармер начал изучать креольский, перед тем как отправиться в Гаити весной 1983-го. Он планировал провести там год.

В Дьюке он выиграл премию в тысячу долларов за эссе о гаитянских художниках и полагал, что ему хватит этих денег, поскольку знал, что средний гаитянин тратит на жизнь гораздо меньше. Фармер работал волонтером в кабинете экстренной помощи при университетской больнице и подал заявки на поступление в две медицинские школы – Гарварда и Кейс-Вестерн-Резерв, где он мог окончить с двумя степенями, врача и антрополога. В Гаити он собирался попробовать оба направления, чтобы понять, то ли это, чего он действительно хочет.

Когда в 1983 году Фармер прилетел в Порт-о-Пренс, аэропорт все еще назывался именем Франсуа Дювалье в честь недоброй памяти Папы Дока, который правил страной, щедро применяя политику террора, с 1957 года до своей смерти в 1971-м. Власть перешла к его сыну Бэби Доку, может быть, менее изобретательному, чем отец, но так же склонному убивать политических противников и присваивать деньги из фондов иностранной помощи. Он собирался назначить себя пожизненным президентом. На самом деле почти тридцатилетнее правление “династии” Дювалье подходило к концу, но тогда еще никто об этом не подозревал.

Знакомясь с Гаити, Фармер поначалу увидел экзотический рай для туристов, в том числе для секс-туристов. Гаитяне – красивый народ и в большинстве своем практически нищий. В одном международном путеводителе для гомосексуалистов за 1983 год было написано: “Вы должны будете заплатить вашим партнерам за услуги, но тарифы у них номинальные”. В Порт-о-Пренсе было полно трущоб, но были также и дорогие комфортабельные районы с хорошими ресторанами и отелями. К тому же туристам обеспечивалась полная безопасность – город патрулировала преторианская гвардия Дювалье, тонтон-макуты в темных очках, названные в честь местного фольклорного персонажа Дяди Мешка, который запикивает непослушных детей в свою суму. Тонтон-макуты не тревожили туристов. Только если потрошили чемодан и находили книгу Грэма Грина “Комедианты”, роман о Гаити, зло высмеивающий режим Дювалье. Но и тогда дело ограничивалось предупредительной беседой.

Свой экземпляр романа Фармер с собой не привез и вначале не интересовался столицей Гаити. Ранее во время короткой аспирантуры в Питсбургском университете он познакомился с членом семьи Меллон. На пожертвования этого богатого клана в Гаити была построена больница имени Альберта Швейцера в городке Дешапель, расположенном в долине в нижнем течении Артибонита. Фармер сразу съездил туда из Порт-о-Пренса. Он ожидал многого и счел больницу вполне приличной. Но персонал в основном состоял из белых врачей-экспатриантов. Фармер-то думал, что здесь хотя бы на втором плане, но стоит задача обучения гаитянских врачей и медсестер. Для него самого в данный момент работы не было, несмотря на рекомендацию Меллона, и он вернулся в Порт-о-Пренс несколько разочарованный – “сдувшись”, как он выразился.

Он начал искать другие варианты и нашел небольшую благотворительную организацию под названием “Глазная помощь Гаити” с головным офисом в Порт-о-Пренсе. Они выезжали с передвижными клиниками в сельскую местность, а в качестве базы для разездов по Центральному плато использовали маленький домик в городке Мирбале. Туда и направился Фармер.

Глава 7

Годы спустя Пол Фармер получил от женщины, на которой хотел жениться, вот такое письмо:

Милый Пел.

Если я не могу обещать соединить свою жизнь с твоей, быть тебе женой, то это не потому, что я недостаточно люблю тебя или недостаточно тебе предана. Да ты и сам наверняка знаешь, что с 1983 года для меня не существовало других мужчин. Но когда я пытаюсь представить нашу жизнь вместе, мне очевидно, что семейной пары из нас не выйдет (хотя в остальном мы подходим друг другу). Это и есть причина моего решения. Довольно долго я думала, что смогу жить и работать в Гаити, строя жизнь с тобой, но теперь понимаю, что нет. И это просто несовместимо с твоим собственным путем, который ты ясно видел перед собой еще десять лет назад. Как-то раз в ходе бурной ссоры ты отметил, что те самые черты, которые меня в тебе привлекают, за которые я тебя полюбила, а именно: твоя непоколебимая преданность бедным, твои неограниченные часы работы, твое безграничное сострадание ближним, – в то же время и вызывают у меня раздражение. Ты был прав, и, стань я твоей женой, мои эмоциональные запросы оказались бы помехой в твоей жизни, посвященной другим. А твои планы так важны и для обездоленных мира сего, и для всех нас. Мне повезло, что мы познакомились, когда я была молодой, настолько молодой, что сейчас мне кажется, я знала тебя всегда. Мне повезло, что ты любил меня и так сильно повлиял на становление моей личности. Так или иначе, надеюсь, ты понимаешь: ты встроен в меня на клеточном уровне, и это твое место никто никогда не займет.

Ее звали Офелия Даль. Она прибыла из Англии, из Бакингемшира. В январе 1983 года она отправилась в Гаити в надежде угодить отцу и с довольно смутным намерением творить добро. Ей было восемнадцать, как она говорила, “немного чересчур зрелые” восемнадцать, и она работала волонтером в благотворительной организации “Глазная помощь Гаити”. Ей предстояло провести неделю на базе в Мирбале.

В Мирбале тогда располагалась загородная резиденция мадам Макс Адольф, бывшей начальницы форта Диманш, куда оба Дювалье ссылали своих врагов. Один историк сравнивал эту тюрьму с Бухенвальдом. В настоящее время мадам Макс командовала тонтон-макутами по всей стране. Таким образом, Мирбале был достаточно значимым местом и отличался от большинства маленьких городков в долинах и горах дальше на север тем, что здесь работало, пусть и с перебоями, электричество, и радио играло почти круглосуточно, и центр имелся – в виде расширенного участка мощеной дороги. Были там покосившиеся киоски-магазинчики вдоль дороги, были забегаловки, предлагавшие пиво или стакан клерена – очень крепкого белого рома местного производства. Недалеко от центра находилось здание “Телеко”, откуда можно было, если повезет, дозвониться в Порт-о-Пренс, в Бруклин и даже в Бакингемшир.

Офелия должна была срочно позвонить домой. Пришло письмо от отца, где он писал о новых проблемах дома, и она наперекор здравому смыслу чувствовала себя обязанной немедленно их решить. Она бросилась в “Телеко”, по дороге придумывая правильные слова для отца. Но ее звонок не прошел.

Когда она, расстроенная, вышла на улицу, шел дождь и местные жители сидели по домам. В хорошую погоду ее бы окружили дети, люди, завидев ее, выкрикивали бы: “Блан! Блан!” Она уже усвоила: это не грубость, а просто сообщение, что появился кто-то необычный. Здесь, в гаитянской провинции, она, конечно, выделялась в первую очередь белой кожей. Но вообще Офелия была очень хороша собой. В полуденный зной в Гаити лицо англичанки покрывалось красными пятнами, но при нормальной температуре ее кожа выглядела безупречной.

Грустно бредя назад в “Глазную помощь” под теплым дождем, Офелия подняла голову и, к своему удивлению, увидела белокожего молодого человека, стоящего на балконе здания. “Бледный долговязый парень”, – так ей запомнилось. Уже несколько месяцев она жила среди гаитян, питалась гаитянской едой, начинала говорить на их языке и немного гордилась тем, что была здесь не просто туристкой. Она почувствовала некоторое раздражение. Кто этот блан на балконе? Что делает он здесь, на ее территории? Она поступила, как полагается хорошо воспитанной англичанке, – вошла в дом и представилась.

В домике была общая комната с цементным полом, где стояли несколько деревянных стульев и стол. Офелия и Пол уселись по разные стороны стола и начали разговор. Уже через несколько минут, вспоминает Офелия, она почувствовала, что наконец-то впервые за несколько месяцев ей совсем не надо сдерживаться, можно приоткрыть даже свою “хулиганистую ипостась”, питающую слабость к неприличным анекдотам и крепкому словцу. Очень скоро она уже рассказывала незнакомцу, как ей не удалось дозвониться и как она чувствует себя виноватой из-за этого: дома неприятности, а она далеко. Она сказала: “Я хочу написать что-нибудь теплое отцу”.

Пол улыбнулся и предложил очень английское начало: “Мой дражайший и, собственно, единственный папа”. Она засмеялась. В какой-то момент Пол попросил ее рассказать о семье. Много лет спустя кто-то из ее друзей предложил подобный зачин как прием соблазнения. Приходишь с человеком в ресторан и говоришь ему: “Расскажи мне о себе”. Офелия тогда тут же вспомнила Пола. Когда он произносил эти слова, люди обычно чувствовали, что он думает в этот момент только о них. Конечно, собеседник понимал, что интерес Фармера к его персоне иногда может иметь и другие мотивы помимо простого человеческого участия, но в то же время всегда каким-то образом знал, что интерес этот искренний, и проникался доверием. Офелия рассказала ему о своей матери, известной киноактрисе Патриции Нил, и о разных семейных драмах, широко обсуждавшихся в газетах: о мамином инсульте и длительном лечении, о ее недавнем разрыве с отцом, писателем Роальдом Далем. Фактически именно из-за него Офелия отправилась в Гаити, поскольку он вечно ворчал, что ей пора заняться чем-нибудь увлекательным и полезным. Он переживал, что у нее нет амбиций. Последние два года она изучала в школе географию, но перед тем как отправиться в Порт-о-Пренс, ей пришлось отыскивать Гаити на карте мира.

У нее накопилось столько мыслей, которыми не с кем было поделиться, и вдруг – пожалуйста. Возможно, любой англоговорящий незнакомец подошел бы, но этот молодой человек показался ей просто идеальным собеседником. Она выложила ему всю семейную сагу, все свои огорчения и тревоги, и Пол слушал очень внимательно, ни разу не сказав, что она зря так реагирует, только иногда предлагал советы, как получше разобраться в своих чувствах. Она была изумлена. Перед ней сидел двадцатитрехлетний американец, на вид вчерашний подросток, вполне симпатичный, хотя и слишком бледный и нескладный, слишком мальчишастый, чтобы очаровывать, и она думала: “Как это *он* находит слова для меня, откуда знает, как меня утешить?”

Ей понравилось, что он не придавал значения ее громкому имени. Она чувствовала, что он не думает про себя: “Ух ты! Я же разговариваю с дочерью кинозвезды!” Казалось, это обстоятельство его просто позабавило. Он рассказал ей немного о собственной семье,

рассмешил ее историями из своего детства. Она решила, что он приехал в Мирбале проверить, стоит ли работать в “Глазной помощи”, и описала ему характеры сотрудников. И он понравился ей еще больше прежнего, когда, выслушав ее с широко раскрытыми глазами, искренне поблагодарил: “Спасибо, что вы мне все это рассказали!”

Они проговорили до трех ночи. Следующие несколько дней прошли в разъездах с группой сотрудников на “лендровере” компании. Фармер сказал ей, что в Гаити он будет в основном заниматься антропологией. Она не имела точного представления, что это такое. Он возил с собой диктофон, фотоаппарат и тетрадь. Она сидела рядом с ним и смотрела, как он ведет наблюдения из машины. “Лендровер” подпрыгивал по пыльным грунтовкам, проезжая мимо жалких лачуг, и Офелия спрашивала, почему здесь так много больных, почему нет хороших дорог. Вначале он отвечал довольно осторожно, словно желая убедиться, что она его понимает. Впрочем, он был настолько полон энтузиазма, что даже неловко становилось. Когда люди с обочин кричали им “Блан! Блан!”, он в ответ кричал “Привет!”, улыбался и махал рукой. Она подумала, что только туристы так машут, а вслух съехидничала: “Что, приветствуете своих темнокожих братьев?” Фармер обернулся к ней: “Что вы имеете в виду?”

Он пытался улыбнуться. Глядя на него, она подумала: он невосприимчив ко всяким гадостям. Он был из тех, кто не сразу делится своими мыслями с другими. Но если он начал раскрываться, а над ним подшутили, то он может надолго замкнуться опять. Надо же, впервые за несколько месяцев у нее появилась интересная компания, а она все испортила. “Простите, простите, – повинилась она. – Я это не всерьез”.

Он улыбнулся ей, а когда опять кто-то крикнул “Блан!”, как ни в чем не бывало помахал снова. Офелия поняла, что ее простили. Водились за ним и другие чудачества, например он называл ей деревья и кустарники по-латыни. Застенчивостью он не страдал. Казалось, он мог разговаривать с кем угодно, но ясно было, что на первом месте у него крестьяне, которые, объяснил он Офелии, составляют большинство в Гаити, даже среди городской бедноты. Он фотографировал, делал записи о больницах, которые они посещали. Он задавал крестьянам множество вопросов. Где они берут воду для питья? Что, по их мнению, вызывает болезни? Он записывал эти беседы на диктофон, а ночью на базе перекладывал на бумагу. Он овладевал креольским языком с завидной скоростью. Офелия провела несколько месяцев в Гаити, он же только что появился, но за неделю разъездов успел обогнать ее. Он уже почти тараторил, как крыса (гаитянское выражение).

Закончив путешествия по сельской местности, бригада “Глазной помощи” направлялась в Порт-о-Пренс. Офелия и Пол сидели сзади, и он уже обращался к ней семейным прозвищем – Мин. Он уже назвал ей миллион прозвищ из репертуара собственной семьи, когда они приблизились к крутому, узкому участку, где Национальное шоссе № 3 спускается по отрогам Морн-Кабри (Козьей горы) на равнину Плэйн-дю-Кюль-де-Сак. “Лендровер” начал поворачивать за скалистый выступ, их швырнуло в сторону, а потом они увидели, что дорога впереди покрыта плодами манго, как ковром. Их уже собирали подбежавшие дети. Немного дальше лежал на боку маленький выдавший виды грузовичок-маршрутка. Очевидно, тап-тап, направлявшийся на рынок, был страшно перегружен людьми и фруктами. Очевидно, изношенные рессоры и слабые тормоза не выдержали. Кругом валялись перевернутые корзины и манго. Некоторые пассажирки – торговки в тюрбанах – сидели у дороги в каком-то оцепенении, другие стояли вокруг, возбужденно переговариваясь. Рядом с пикапом среди рассыпанных манго лежала женщина, лишь частично прикрытая куском картона. Присутствовал на месте происшествия и полицейский. Сверкая тремя золотыми зубами, он жизнерадостно сообщил, что да, женщина умерла, ничего уже не поделаешь.

Эта сцена навсегда врезалась в память Офелии, так же, как и первое обонятельное впечатление от Гаити – кислый помоечный запах, ударивший ей в ноздри, когда она в первый

раз прибыла в аэропорт имени Франсуа Дювалье. Она посматривала на Пола, пока они ехали к городу. Он сидел, уставившись в окно, как ей помнится, “совсем, совсем притихший”.

В ту весну они так и не стали любовниками, но еще примерно месяц виделись почти ежедневно – иногда вместе выезжали в экспедиции с “Глазной помощью”, но чаще встречались в Порт-о-Пренсе. После работы Офелия шла к Полу. Его жилье находилось на заваленном мусором участке, в старом полуразрушенном доме с балкончиками и деревянной резьбой. Здание принадлежало антиквару. По слухам, у жены предыдущего владельца ночью начались роды, он побежал за помощью, а дело было в то время, когда Бэби Док навязал городу комендантский час, так что его застрелили прямо на улице. В настоящее время огромный дом стоял пустым, если не считать Пола и еще одной съемщицы, гаитянки. Иногда она готовила еду во дворе, и запах горящих углей поднимался к окнам Пола. В его комнате на втором этаже было много окон со старыми затейливыми деревянными ставнями и балкончиками. Окна выходили с одной стороны на город и океан, а с другой – на палатки и картонные шалаши трущоб Ла-Салин. Офелия часто заставляла его пишущим заметки. Недавно он сочинил стихотворение “Леди Манго” и посвятил его Офелии. Он читал ей вслух. Вот строки из третьей строфы:

*Мы уезжаем, а глаза все еще смотрят назад,
На корзины, на мертвую леди Манго,
Распластанную и застывшую на покрывале
из тропических фруктов.
Она накрыта куском картона,
будто флагом своей искореженной страны,
слишком тонким, чтобы спрятать ее раны.*

То, что они находились далеко от родных, несомненно, упрощало молодым людям период ухаживания – настолько, что оно и ухаживанием-то не выглядело. В ресторанах платила Офелия, потому что у нее были деньги, а у него почти не было. Ей казалось разумным и естественным делиться своими. А он зато гораздо больше знал о Гаити и делился сведениями. Например, рассказал про мадам Макс и поддразнивал девушку, объясняя, что поскольку “Глазная помощь” располагается на земле, принадлежащей этой даме, то, значит, Офелия работает на тонтон-макутов. Однажды она сообщила ему, что познакомилась в отеле “Олоффсон” с интересным типом, утверждающим, будто именно с него Грэм Грин списал образ Пьера Малыша в “Комедиантах”. Пол объяснил, что так оно и есть и что этот маленький, похожий на клоуна человек является осведомителем Дювалье. Пол стал для нее наставником, но не по собственной инициативе. Обычно она задавала вопросы, причем здесь требовались некоторые ухищрения. Если он делал не совсем понятное или чересчур обобщенное заявление, не стоило указывать ему на это, иначе он мог умолкнуть. Лучше было попросить: “Расскажи поподробнее”. Сколько разговоров рождалось из ее наводящих вопросов на втором этаже дома с привидениями! Годы спустя Офелия будет вспоминать эти “долгие, многословные дискуссии”.

Чем конкретно занимается антропология?

Пол ответил, что, по сути, – я привожу слова из его статьи, опубликованной примерно через полтора года после этого, – для антропологии не так важны измерения, как важен смысл. Так же, как когда мы совершенствуемся в языке, мы должны не только понимать буквальное значение слов, но и улавливать разнообразные смысловые оттенки, а для этого нужно знать историю, политику и экономическую систему страны. Иначе невозможно по-настоящему вникнуть в суть таких событий, как смерть леди Манго.

В статье, которую он напишет через год, Фармер использует выражения типа “сложнейшая сеть взаимосвязей между заболеваниями, статусом питания, социоэкономическими факторами, религиозными верованиями и ритуалами, связанными со здоровьем и патологией”. Объясняя явления, подобные гибели леди Манго, он обычно выражался ненамного проще, но Офелия умела переводить. Конечно, бывают несчастные случаи. Но не всякое несчастье – случайность. Плохая дорога вниз по Морн-Кабри, перегруженный тап-тап, настойчивое стремление крестьянок попасть на рынок, чтобы что-то продать и накормить семью, – все эти факторы отнюдь не случайны, каждый из них имеет причину. А главные причины – нескончаемое самоуправство Дювалье и давняя привычка Соединенных Штатов осыпать деньгами диктаторов вроде Бэби Дока, которые на эти средства укрепляют свою власть, окружают роскошью себя и ближайших сподвижников, однако почти ничего не тратят на благоустройство дорог, транспорта и так далее.

До знакомства с Полом страна казалась Офелии просто необычной – странной и пугающей. Червь сантиметров в тридцать длиной, выходящий, извиваясь, из попки ребенка в клинике, где она работала сначала. Бесчисленные детишки с расстройством желудка. Ежедневная церемония исполнения национального гимна перед президентским дворцом, когда закон предписывал всем остановиться и слушать эту металлическую музыку – на ослушников обрушивался гнев тонтон-макутов. Но теперь появился человек, разъясняющий ей Гаити. Пол изложил общую теорию бедности, обрисовал картину мира, устроенного элитами всех стран для удовлетворения своих потребностей. Описал, как элементы этого устройства встраиваются в идеологию и становятся незыблемыми, а подлинная история формирования нынешнего порядка предается забвению. Что же до истории Гаити – катастрофы, покрытой отпечатками пальцев западных держав, прежде всего Франции и Соединенных Штатов, – ее он знал во всех подробностях.

Пока Пол читал ей свое новое стихотворение, Офелия глядела в окно. Его главная тема – бедность, думала она, а эти окошки дома с привидениями – его наблюдательный пункт. Но ему нужен другой пункт, получше. Точного плана у него не было, хотя цель, похоже, была ясна. Он приехал сюда заниматься этнографией, эта область антропологии ему нравилась больше всего – изучать культуру, но не по книгам и артефактам, а через общение с людьми, эту культуру унаследовавшими и развивающими. Специализироваться он собирался в медицинской этнографии. Он хотел разобраться во всем, что касается заболеваемости и смертности в стране, страдающей от болезней больше всех других стран в Западном полушарии. Хотел писать обо всем, что узнает, говорить от имени тех, кто не имеет голоса. А еще он станет врачом, хотя пока не определился с областью медицины. Может быть, психиатром. В любом случае он намерен лечить бедных. Может быть, будет работать в Африке, а может быть, в бедном черном квартале в Америке.

Вызывая Пола на откровенность, Офелия чувствовала и восхищение, и страх. Как-то во время очередного долгого разговора в его комнате она поймала себя на мысли: “Ох ты черт, а ведь моя жизнь переменилась!” Годы спустя она говорила мне: “Думаю, у каждого бывает такой момент, когда вдруг понимаешь: вот сейчас тебе открылся смысл происходящего. Как, например, когда осознаешь, что твои родители не хорошие и не плохие, а то и другое сразу. И все, мир больше никогда не будет прежним”.

В конце концов, она же была еще совсем юной. И человек пятью годами старше ее вполне годился на роль наставника, хотя время от времени его высказывания напоминали, что он и сам еще не очень взрослый. Поздней весной она улетела домой, сообщив ему, что начнет готовиться к медицинскому институту. Она тоже решила стать врачом. “Хорошо, – серьезно сказал на это Пол, уже окончивший подготовительный курс. – Знаешь, что тебе надо сделать? Двусторонние карточки, с вопросом на одной стороне и ответом на другой”.

Они обещали писать друг другу.

Пол попросил Офелию позвонить его родителям, когда она будет дома, но забыл упомянуть об одном из правил Стража, который в 1983 году еще был жив-здоров. Дочери должны были звонить ему каждый вечер после уроков и работы, перед тем как выезжать из Бруксвиля в “Стар-роудскую тюрьму”. Офелия также не могла знать, что сестра Пола Пегги недавно научилась замечательно имитировать британский акцент.

И вот Офелия звонит:

– Здравствуйте, мистер Фармер. Меня зовут Офелия, я только что вернулась из Гаити. Там я виделась с Полом. Он шлет вам сердечный привет и просил передать, что у него все в порядке.

– Да-да-да, ну конечно! Кончай, Пегги.

– Нет, меня зовут *Офелия*, и я только что видела Пола.

– Меня не проведешь, Пегги. Немедленно домой! – И Страж повесил трубку.

Офелия позвонила опять и в конце концов сумела убедить его. Страж извинился, и она услышала чей-то смех на том конце провода.

Офелия оставила Полу несколько современных романов. К ее возвращению в Англию от него уже пришло письмо – своего рода книжная рецензия: “Роман гораздо интереснее читать, если ты знаком с “Адом” Данте и “Улиссом” Джойса (глава, где Блум приносит Молли завтрак в постель), Гомером, Прустом (“В поисках утраченного времени”) и пьесой Жене “Служанки”. В конце был постскриптум: “Ты зараза, зачем оставила меня здесь одного?” Далее следовали все более горячие послания с требованием письма: “Хулиганка ты. Почему до сих пор не отправила ко мне почтовых голубей?” Если она не напишет *toute de suite* – немедленно, он запрет ее в чулане с их весьма непривлекательным общим знакомым, даст им обоим сильнейшее возбуждающее средство и заберет освежитель рта. Офелия долго не отвечала ему, почему – сама не знает, может быть, просто ленилась. Но она не отказалась от своего намерения учиться на врача и приходила в ужас от мысли, что может больше никогда не увидеть Фармера.

Вскоре после ее возвращения в Европу отец взял Офелию с собой на ланч с Грэмом Грином, одним из любимых писателей Пола. Пожилой романист, высокий и сутулый, искренне обрадовался новостям из Гаити, особенно тому, что знаменитый плут Пьер Малыш до сих пор цел. Грин надписал для нее экземпляр “Комедиантов”: “Офелии, видевшей истинное лицо Гаити”. Если он правда считает ее знатоком Гаити, подумала она, что бы, интересно, он сказал о Поле Фармере?

Глава 8

Канжи Фармер впервые увидел в конце мая 1983 года, вскоре после отъезда Офелии. Все еще подыскивая себе место для работы, он снова отправился на Центральное плато, где свел знакомство с местным англиканским священником по имени Фриц Лафонтан. Невысокий, но солидный, Лафонтан держался с достоинством, чтобы не сказать – царственно, и отличался властными, порой резковатыми манерами. При поддержке епископальной церкви диоцеза Верхней Южной Каролины он управлял в Мирбале крошечной клиникой (там работал всего один врач). Кроме того, Лафонтан с супругой помогали строить школы и создавать локальные выборные административные органы, женские организации, программы начального обучения для взрослых в ряде бедных маленьких населенных пунктов этого региона, в том числе в Канжи. Здесь Лафонтан затеял и курировал строительство часовни, а также некоего зачаточного подобия школы. Фармера он привез сюда из Мирбале в кузове своего пикапа.

Весной в Гаити дожди идут довольно часто, так что путь их пролегал среди зелени, особенно на участке вдоль Артибонита, где река выгрызла себе ущелье, в котором никакое земледелие невозможно. Фармер восхищенно любовался деревьями, листвой и бурным течением. Затем в поле зрения показались огромная плотина и озеро, и вот он уже шурится, вглядываясь сквозь тучи серой пыли – пыль пачкает волосы, лезет в нос, липнет к потной коже – в совершенно иной пейзаж: бело-коричневая гамма, растительности почти не видно. “Поразительная, прямо библейская земля, сухая и бесплодная”, – будет вспоминать потом Фармер. Сквоттерский поселочек Канжи находится прямо посреди этих суровых пустошей, в полумиле вверх по дороге от большого пресного водоема.

Большинство зданий – примитивные деревянные сарайчики с односкатными крышами и земляным полом, сколоченные, как позже выразился один друг Фармера, “без лишнего энтузиазма”. Особенно бросались в глаза кровли этих крошечных хибарок, сделанные из коры банановых пальм, кое-где переложенные тряпками, откровенно водопроницаемые. Прежде символом бедности Фармеру казались крыши Мирбале, “жестянки” из тонкого проржавевшего металла. “Но в Канжи не было и жестянок, – рассказывал он. – Это уже запредельная нищета”. Большинство взрослых местных жителей, с которыми он общался, демонстрировали полное уныние. Складывалось впечатление, будто люди, построившие эти жалкие лачуги, ни на какие улучшения в своей жизни не рассчитывали – более того, ожидали, что все станет еще хуже. Многие, вероятно, большинство, были явно нездоровы, но медицинской помощи здесь никто не обеспечивал, вообще никакой. Похожих людей Фармер видел в приемных убогих государственных клиник, которые ему доводилось посещать. Казалось, весь этот самодельный поселок – такая приемная. В Гаити ему пришлось пересмотреть свои представления о бедности. В Канжи пришлось пересмотреть их снова. Отдельного человека, влачащего столь плачевное существование, можно отыскать практически где угодно, но целое сообщество беднее и больнее этого нельзя было даже вообразить.

Делегация отца Лафонтана заночевала в Канжи, на полу классных комнат в школе, подстелив старые армейские одеяла. Фармеру запомнилось, как он проснулся ночью по зову малой нужды и громко мочился в ведро – звук, знакомый по давнему житью в автобусе. Всяко лучше, чем бежать в темноте на улицу, где водится разная пакость, с детства наводившая на него жуть, – огромные жуки и особенно тарантулы.

Тогда, в первый раз, Фармер не задержался в Канжи надолго. Он продолжал путешествовать по Гаити – иногда автостопом с бланами, иногда на тап-тапах среди крестьян, везущих кур и полные корзины манго. Однажды он слег с дизентерией, вероятно, потому, что

скудный бюджет вынуждал его покупать еду у уличных торговцев в городах и поселках. Фармер вспоминал, как валялся в больнице в Порт-о-Пренсе в антисанитарных условиях, на этаже, где не было туалета. Его навещала знакомая американка средних лет, эксперт по вопросам здравоохранения. Она обещала переправить его обратно в Штаты, если ему станет хуже, и он отвечал, мол, нет-нет, все будет в порядке, а сам думал: “Пожалуйста, заберите меня домой!” Поправившись, он снова принялся изучать Гаити и антропологию с медицинской в местном контексте. Наблюдал обряды вуду, расспрашивал крестьян об их жизни и добрался среди прочих мест до больницы в Леогане, городке на южном полуострове Гаити, милях в двадцати к западу от Порт-о-Пренса. Там он некоторое время подвизался волонтером, помогая врачам и медсестрам.

Фармер говорил мне, что нашел свое призвание не благодаря книгам и наукам, а большей частью эмпирическим путем, пропуская Гаити через себя. “Я читал академические тексты и понимал: там все неправильно. Живя в Гаити, я осознал, что малейшая ошибка в одной системе власти и привилегий может катастрофически ударить по неимущим в другой системе”. Как, например, истребление креольских свиней или плотина на озере Пелигр.

Теология освобождения импонировала ему и раньше. “Серьезный упрек затушевыванию бедности, – так отзывался о ней Фармер. – Упрек, основанный на научном анализе”. В Гаити он вживую наблюдал самую суть этой доктрины. Почти все крестьяне, с кем он знакомился, разделяли убеждение, звучавшее как квинтэссенция теологии освобождения. “Все на свете брезгуют нами, говорили они ему. – Но Господь больше любит бедных. И наше дело правое”. Марксисты, которых читал Фармер, и многие его знакомые интеллектуалы относились к религии пренебрежительно. И действительно, некоторые христианские конфессии, как и значительная часть миссионеров, пропагандировали среди неимущих гаитян “культ смирения”, как выражался отец Лафонтан, – призывали покорно принимать свою долю, уповая на лучшую загробную жизнь. Но собеседники Фармера понимали христианство иначе: “Они единодушно утверждали, что зря, мол, остальной мир над ними издевается как хочет, ведь кто-то, кто-то справедливый и, возможно, даже всеведущий, записывает все ходы”. Теперь в нем снова проснулась тяга к католицизму. Не то чтобы он вдруг проникся верой по зову души, скорее, стремился поддержать местных жителей в их вере – Фармер называл это “актом солидарности”. Он говорил мне: “На самом деле это приходит, когда видишь людей своими глазами – в Канжи, или в какой-нибудь жуткой больнице, или на похоронах, – когда точно знаешь, что люди просыпаются в двухкомнатных хижинах, полных голодных детей, и *все-таки как-то продолжают жить*. Религия – единственное, что у них оставалось”.

Как же справедливый Господь допускает крайнюю нищету? Гаитянские крестьяне отвечали пословицей: *Bondye konn bay, men lipa konn separe*. Дословно она переводится как “Бог дает, но не делит”. Означает это, как впоследствии будет объяснять Фармер, следующее: “Бог дает нам, людям, все, что необходимо для благополучной жизни, но распределять блага он не нанимался. Эта задача возложена на нас”. Проповедники теории освобождения давали похожий ответ: “Хотите увидеть, где пребывает ныне Христос распятый? Идите туда, где страдают и борются с невзгодами бедняки, и там найдете Его”. Теология освобождения, с ее упором на ужасы нищеты и необходимость разбираться с ними здесь и сейчас, с ее идеалами искупления и служения, была словно специально создана для Гаити. И по темпераменту она подходила Фармеру, поскольку при всей своей учености и склонности к теоретизированию он стремился прежде всего к свершениям практического свойства. Годы спустя он скажет мне: “Я парень деятельный”. Спору нет, определение точное.

Вспоминая свой первый год в Гаити, Фармер говорил: было такое ощущение, что осознание своего истинного призвания складывалось из множества элементов. Однако, подчеркивал он, это произошло не вдруг, а постепенно: “У меня это был процесс, а не отдельное

событие. Постепенное пробуждение, а не внезапное озарение”. Но тут ему пришел на ум один эпизод, случившийся в Леогане. Проанализировав его, Фармер признал, что озарение, наверное, все-таки тоже имело место.

Работая волонтером в больнице Сент-Круа в Леогане, он познакомился с молодым американским врачом. “Он любил гаитян, – сказал Фармер. – Вообще был очень вдумчивый”. Врач проработал в Гаити около года и через несколько дней собирался возвращаться домой в Штаты. “Слушая его, я заметил, что во мне уже что-то изменилось, – объяснял Фармер. – Я вовсе не осуждал его. Но вот он, повидав эту страну, готов был уехать и стереть ее из памяти, и я задался вопросом: а я-то так смогу? Он ведь правда покидал Гаити, покидал душой и телом, и я вдруг понял, что у меня так не получится”.

- Тяжело, наверное, уезжать? – спросил он молодого врача.
- Шутишь? Дождаться не могу. Здесь же нет электричества. Кошмарное место.
- Но ты не боишься, что не сможешь забыть все это? Здесь столько больных.
- Нет, – ответил врач. – Я американец, и я возвращаюсь домой.
- Ну да. Я тоже, – сказал Фармер.

Весь день и весь вечер он обдумывал этот разговор. Что значит “я американец”? По каким критериям люди относят себя к той или иной категории? Он понимал позицию врача, но собственную пока точно определить не мог. Единственное, что он знал наверняка, – он тоже станет врачом.

Позже, уже ночью, в больницу поступила молодая беременная женщина, страдающая малярией. “Ее кровь кишела паразитами, – вспоминал Фармер. – Тяжелая малярия. Она впала в кому, и ей требовалось переливание крови – тогда я не знал всех подробностей, но теперь знаю, поскольку это моя специальность. Так вот, с ней приехала сестра. Крови у нас не было, и врач велел сестре ехать в Порт-о-Пренс и купить крови, предупредив, однако, что это стоит денег. У меня денег не было, я пробежался по сотрудникам и собрал пятнадцать долларов. Отдал их женщине, она ушла, но потом вернулась: ей не хватило и на тап-тап, и на кровь. У пациентки тем временем началось поражение легких, изо рта потекла такая розовая субстанция. Медсестры говорили, дело безнадежное, кое-кто настаивал, что надо делать кесарево, а я все твердил, что должен быть какой-то способ добыть ей крови. Ее сестра просто с ума сходила, рыдала безудержно. У больной было *пятеро детей*. Какой ужас, жаловалась сестра, бедному человеку даже переливание крови не получить. И добавляла: мы же все живые люди”.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.